

«ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКИЕ АРАБЕСКИ» В «ДЫМЕ»

Статья А. Б. Муратова

1

Споры вокруг романа «Дым» — споры давние. Они начались еще в 1867 г., сразу же после появления романа, вызвавшего резкие нарекания многих русских читателей в России и за рубежом. Это были живые, часто раздраженные голоса современников. Острота полемики ярко свидетельствовала о том, что тургеневский роман стал фактом острой общественно-политической борьбы 60-х годов ¹.

Спор о «Дыме» продолжается и в наши дни. Но теперь это спор о месте Тургенева в общественной жизни и его отношении к насущным проблемам времени ².

Причину продолжающихся споров можно видеть в малой изученности романа и прежде всего — вопросов, связанных с общественной позицией писателя в 60-е годы. В ряду таких вопросов самой непроясненной, пожалуй, является проблема так называемых «гейдельбергских арабесок». Хотел ли Тургенев создать в «Дыме» памфлет против лондонской эмиграции, или основной удар романа направлен против мнимых, способных к ренегатству единомышленников Герцена? Ведь от того или иного решения этого вопроса во многом зависит интерпретация идейного смысла романа в целом.

Затянувшийся спор о политическом смысле «гейдельбергских арабесок» может быть разрешен путем непосредственного обращения к истории общественно-политической борьбы 60-х годов и прежде всего — к истории «молодой эмиграции». Ведь не случайно Губарев живет в Гейдельберге, а не в Лондоне. Назвав в письме к Герцену эти главы романа «гейдельбергскими арабесками», Тургенев подчеркнул тем самым связь своего повествования с историей русской студенческой колонии в Гейдельберге.

Вспомним некоторые факты. После временного закрытия Петербургского университета в 1861 г. немало русских студентов уехало в Гейдельберг. Их привлекал тамошний университет, в котором преподавали профессора, пользовавшиеся мировой известностью. Наиболее прогрессивная часть студенчества — многие из студентов были участниками волнений 1861 года в Петербурге, Москве и Казани — взяла на себя инициативу создания русской читальни. По свидетельству А. Л. Линева, одного из самых деятельных участников этой читальни, она была создана с целью «поддерживать, пропагандировать и укреплять» направление Герцена ³.

«Колокол» находился тогда на вершине своей славы, а имена Герцена, Огарева и Бакунина связывались с представлением о высоком революционном подвиге во имя России. В 1861—1862 гг. к Герцену ездили почти все члены читальни, ибо посещение Лондона считалось необходимым для всякого, кто становился или считал себя эмигрантом.

О тесной связи Лондона и Гейдельберга мы находим много свидетельств в письмах студентов, а также в воспоминаниях Н. И. Пирогова (он был послан для наблюдения за занятиями тех, кто за границей «приготовлялся к профессорскому званию»). «Лондон сделался Иерусалимом не только для русской молодежи, но и для людей серьезных, чуть не государственных, — пишет он. — Многие ехали туда, а многие возвращались оттуда через Гейдельберг...»⁴. Лондонские деятели, в свою очередь, внимательно следили за пополнением рядов эмиграции. Огарев, который более, чем Герцен, верил в возможность союза с новым поколением революционеров за границей, вел переговоры с гейдельбергскими организаторами читальни о практических действиях в период подготовки ожидавшейся крестьянской революции. Его письма членам гейдельбергской колонии и опубликованная недавно рукопись «Заграничные общества» (март—ноябрь 1862 г.) дают достаточное представление о революционно-пропагандистском плане, выработанном в Лондоне⁵. Издатели «Колокола», считавшие деятелей гейдельбергской читальни своими соратниками, безусловно видели неоднородность студенческой среды и были осведомлены об ее идейных расхождениях. Однако, веря в близкую революцию и готовясь к ней, они не хотели усугублять «раздор в нашем собственном лагере»⁶. Один из гейдельбергцев, Д. И. Воейков, пишет: «Гейдельбергская колония пользовалась особым благоволением лондонских вождей, издания их высылались даром в русскую читальню, которая должна была служить органом обращения новопривезших»⁷.

Молодежь активно помогала переправлять лондонские издания в Россию. Глава колонии В. И. Бакст и студент А. Ф. Стюарт, оказавший финансовую помощь, создали так называемую Бернскую типографию, которая взяла на себя часть изданий «Вольной русской типографии» в Лондоне. В Гейдельберге была издана «Сущность религии» Л. Фейербаха, предпринята попытка печатать свой периодический орган «Летучие листки» (вышел только первый номер, содержащий перепечатку листов «Великорусса») и т. д.⁸

В это время еще не столь острыми были разногласия как между старой и новой эмиграцией, так и среди самой молодежи за рубежом. Только что вырвавшиеся из России, полные ненависти к произволу царизма, эти, еще совсем юные «борцы», часто даже не отдававшие себе ясного отчета, с чем именно и как они будут бороться, верили, что здесь, за границей, они могут подготовить себя к настоящему делу на родине.

«Надо было поговорить тогда с каждым из этих невольных изгнанников, — писал Н. И. Пирогов, — чтобы составить себе понятие о той массе горячи и злости, которая успела накопиться в сердцах несчастных юношей»⁹.

Это был короткий (приблизительно до начала 1863 г.) период в деятельности русской эмиграции, когда, казалось, может быть достигнуто единство действий и взглядов молодежи и Герцена — Огарева. Молодежь смотрела на «лондонских старичков» как на своих учителей, таковыми считали себя и сами «лондонские изгнанники».

Роль Огарева в деле сближения молодежи и издателей «Колокола» была, как известно, особо значительной. Им был составлен революционно-пропагандистский план, он постоянно поддерживал связь с главными деятелями читальни В. И. Бакстом и В. Ф. Лугининым, он писал боевые агитационные статьи («Что нужно народу?», «Что нужно помещикам?», «Что надо делать войску?», «Что надо делать духовенству?»), которые должны были служить как бы руководством к действию. Молодежь видела в Огареве не только единомышленника и соратника Герцена: с его именем связывалась практически-агитационная линия «Колокола». «Поблагодарите от лица всех нас нашего любимого поэта — вашего друга за его общение с нами. С нетерпением ждем его статьи <«Что надо делать войску?» —

А. М.). В войске такая сила, которая может упрочить дело свободы. Надо только развить в нем не кровавые, а социальные инстинкты», — писал Герцену 1 ноября 1861 г. учившийся в Гейдельберге Я. Н. Ханыков¹⁰.

Как же воспринял деятельность этой молодежи Тургенев? Как сложились его отношения с Герценом и гейдельбергскими студентами в 1862 г. и в какой мере эти отношения определили план «Дыма»? Ответ на эти вопросы дает изучение истории создания романа.

ТУРГЕНЕВ

Рисунок К. Ф. Лессинга (карандаш, мел). Баден-Баден, 1867

Внизу слева подпись и дата рукой художника. В правом углу — сведения о художнике, написанные неизвестной рукой

Эрмитаж, Ленинград

1862 год — остро переломный год в истории революционного движения и общественной мысли в России. Годы революционной ситуации, заставившие каждого яснее определить свою позицию и отношение к насущным задачам времени, способствовали четкому размежеванию демократов и либералов. Это было время, когда «все встало на свои места», как писал в «Прологе» Чернышевский, когда выявилось истинное значение деятельности различных общественных группировок. 1862 год стал значительной вехой и в жизни Тургенева. Он был годом окончательного расхождения писателя с «Современником», годом появления «Отцов и детей», годом обострившегося разлада Тургенева с издателями «Колокола». Весной он посетил Герцена и Огарева в Лондоне. Устные беседы положили

начало спорам, суровым и принципиальным, которые были продолжены Герценом в «Концах и началах», а Тургеневым — в частных письмах к нему. Это были споры о судьбах России и ее пути после реформы 1861 года¹¹.

Но могли ли углубившиеся разногласия вызвать у писателя намерение карикатурно изобразить людей, несогласных с ним во взглядах? Некоторые новые документы дают право утверждать, что события 1862—1866 гг., позволившие Тургеневу ближе познакомиться с новым поколением молодых радикалов, наполнивших в то время Гейдельберг, оказали не меньшее влияние на роман «Дым», чем споры с Герценом. При этом нельзя забывать, что и сам замысел романа не оставался неизменным.

Как известно, в апреле 1862 г. русские студенты в Гейдельберге через К. К. Случевского направили Тургеневу письмо. В нем молодежь осудила создателя «Отцов и детей» за отрицательную, по ее мнению, оценку нового поколения революционеров. Отношение революционно настроенной молодежи к «Отцам и детям» не было безразлично Тургеневу, и он ответил Случевскому большим письмом (14/26 апреля 1862 г.), пояснявшим смысл произведения и его направленность. Тургенев заканчивал свое письмо следующими словами: «Через Гейдельберг я не поеду — а я бы посмотрел на тамошних молодых русских. Поклонитесь им от меня, хотя они меня почитают отсталым... Скажите им, что я прошу их подождать еще немного, прежде чем они произнесут окончательный приговор. — Письмо это вы можете сообщить кому вздумается. <...> Работайте, работайте — и не спешите подводить итоги».

Сильно задетый упреком в отсталости, писатель не только убеждал студентов в том, что не имел намерения разоблачить Базарова, но и советовал им «подождать еще немного» с вынесением окончательного приговора. Что это означало? Не считая свою литературную деятельность законченной, Тургенев, видимо, советовал подождать появления нового произведения, в котором он смог бы еще раз вывить свое отношение к деятелю 60-х годов. Для этого писателю необходимо было лучше узнать думы и стремления молодежи после реформы. Гейдельберг был прекрасным местом для подобных наблюдений, тем более что Тургенев не мог не знать о надеждах, возлагаемых на эту молодежь издателями «Колокола».

В сентябре 1862 г. Тургенев впервые встретился с теми, кому писал несколько месяцев назад, отвечая на критику «Отцов и детей». Краткое посещение Гейдельберга вызвало у писателя желание поближе познакомиться со студентами; он обещал им приехать еще раз¹².

Через месяц он застал в Гейдельберге жаркие споры, в которых сам принял активное участие. Споры были вызваны обсуждением адреса царю. К составлению этого адреса Тургенев, как известно, имел самое непосредственное отношение¹³.

Глубокий интерес литературы в начале 60-х годов к разночинцу, ставшему во главе революционного движения, не ослабевал и в дальнейшем. Но определившийся вскоре крах революционной ситуации явился для многих писателей доказательством неверности пути, по которому шли молодые демократы. Стремясь разобраться в многообразных и полных драматизма событиях 60-х годов, эти писатели часто были не в состоянии найти истинную причину бездействия новой общественной силы и стали приписывать это ее ошибкам, а нередко и гневно нападать на нигилизм. Так было, например, с Достоевским и Лесковым.

Изменившаяся обстановка, проявившаяся вскоре растерянность демократических сил сказались и на настроениях Тургенева. Либеральные взгляды не позволили писателю верно понять и оценить события 60-х годов. В период работы над «Дымом» неверие в правильность пути разночинной молодежи было присуще ему еще в большей степени, чем во вре-

гейдельбергской читальне в 1866 г., писал: «Он <Тургенев. — А. М.> при мне приезжал однажды в Гейдельберг, с специальною целью узнать, что за молодежь такая живет там, чтобы для нового своего романа — так он говорил — набраться типов...»¹⁵. Тургенев судил тогда о гейдельбергской молодежи по высказываниям Герцена, Случевского, Лугинина, Бакста, т. е. людей, которые не могли в те годы отзываться о ней плохо; ни о каких памфлетных намерениях, направленных против этой молодежи, не могло быть и речи.

Однако после более близкого знакомства с гейдельбержцами представления Тургенева о них изменились. Тот же Альбертини указывал, что надежды, возлагаемые писателем на студентов, не оправдались. «Что касается до типов, — писал он, — то вся поездка, по сознанию Тургенева, не удалась: типов, годных в роман, он не нашел: не знаю, следует ли это приписать к чести гейдельбергской молодежи или к бесчестию для нее. Один только Владимиров немного познал Тургенева, но и то, пощупав его немного, романист сказал: нет, нейдет и этот, пустельга»¹⁶.

Тургенев нашел в Гейдельберге не то, что предполагал встретить: он не увидел здесь продолжателей дела Базарова. Его поразила поверхностность политических увлечений основной массы студентов и, видимо, обеспокоило то, что юные «герценисты» слепо верят своим учителям. Тургенева начинает волновать вопрос об ответственности издателей «Колокола» за то, что они притягивают к себе молодежь, ведя ее по неправильному пути. Тогда-то писатель и начинает обдумывать замысел романа, безусловно навеянный этими новыми впечатлениями и направленный против Огарева и Герцена.

К этому времени идейные разногласия Тургенева и Герцена еще более углубляются: в «Колоколе» появляются последние письма «Концов и начал», показавшие непримиримость позиции Герцена и уже вполне подготовившие будущий разрыв. Тургенев отвечает Герцену в личных письмах. Но теперь он не только спорит с ним о путях развития России. В его письмах появляются новые мотивы — упреки Герцену и Огареву во вредном влиянии на неопытную молодежь, слепо повторяющую мысли своих лондонских учителей. Разговоры со студентами и дальнейшее наблюдение за жизнью русских за рубежом все более убеждали Тургенева в этом.

Тургенев, как и многие его современники, ошибочно сближал «русский социализм», проповедуемый издателями «Колокола», со славянофильством. Он был убежден, что Герцен присваивает себе давно обветшалое знамя славянофильской партии. Вот один из характерных упреков, содержащихся в письме к Герцену от 27 октября/8 ноября 1862 г., т. е. месяц спустя после посещения Гейдельберга: «...в силу вашей душевной боли, вашей усталости, вашей жажды положить свежую крупинку снега на иссохший язык, вы бьете по всему, что каждому европейцу, а потому и нам, должно быть дорого, по цивилизации, по законности, по самой революции, наконец — и, налив молодые головы вашей еще не перебродившей социально-славянофильской брагой, пускаете их хмельными и отуманенными в мир, где им предстоит споткнуться на первом шаге». Итак, с точки зрения Тургенева, Герцен и Огарев не только сами стоят на неверных позициях, но и наполняют «социально-славянофильской брагой» головы молодых людей.

Среди этих «молодых голов» были и гейдельбергские студенты, которые, по убедительному свидетельству Н. И. Пирогова, в 1862 г. все еще «боготворили Герцена и Бакунина». «Это была какая-то, уже именно неглубокомысленная, смесь западных социальных утопий на славянофильской канве, — писал Пирогов. — Наши община, вече, мирские сходки, с общей подачей голосов, служили этою канвою, по которой вышива-

лись разные узоры на европейский лад. Я помню, как эти утопии прельщали не одну учащуюся молодежь, и молодые профессора, ездившие за границу, немало увлекались»¹⁷.

В пагубном влиянии на молодежь Тургенев особенно винил Огарева. Этому посвящен ряд писем писателя. Так, например, 21 ноября/3 декабря 1862 г. Тургенев писал Герцену, объясняя свое нерасположение к Огареву-публицисту: «Итак, Огареву я не сочувствую, во 1-х) потому, что в своих статьях, письмах и разговорах он проповедует старинные социалистические теории об общей собственности и т. д., с которыми я не согласен...» К этому месту письма была сделана весьма знаменательная приписка о студенте Баксте, главе гейдельбергской читальни, ревностном стороннике Огарева: «Бакст в Гейдельберге, напр., объявил мне, что „Николай Платонович не потому опровергает „Положение“, что оно несправедливо для крестьян, а потому, что им освящается принцип частной собственности в России“». В. И. Бакст был вполне солидарен с Огаревым в этом вопросе.

Тургенев и Герцен в это время — представители двух различных мировоззрений. С одной стороны, — полное признание крестьянской реформы, с другой, — критика ее; с одной стороны, — отрицание революционных возможностей народа, вера в «меньшинство образованного класса в России», с другой, — вера в народ и «крестьянскую революцию»; с одной стороны, убежденность в том, что для России нет другого пути, кроме пути развития, который прошла западноевропейская цивилизация, с другой, — резкая критика Запада и проповедь, в духе раннего народничества, «русского социализма», к которому Россия придет своим особым путем. Это был спор либерала с демократом. Герцен вел его публично; Тургенев, лишенный возможности отвечать своему оппоненту в «Колоколе» (он получил неофициальное предостережение и совет не печататься в нелегальных изданиях в связи с привлечением к следствию по процессу «32-х»), хотел, видимо, тоже полемизировать открыто. Тогда-то, в конце 1862 г., и был набросан перечень действующих лиц нового романа. Отрицательное отношение к Огареву нашло отражение в этом списке: против фамилии Губарева стоит буква О.

Расшифровка этого имени, сделанная в 30-х годах нашего века, была правильна. Дополнительным доказательством тому служит следующее обстоятельство: по замыслу 1862 г. действие романа должно было быть хотя бы отчасти связано с Англией, где жил в это время Огарев. К списку «Главных лиц будущей повести: „Дым“, 1862» Тургеневым сделана приписка: «Мертвая тишина полудня (в Англии, с Гарсией)»¹⁸.

Но был ли реализован замысел 1862 г. так, как он был задуман? При сравнении состава действующих лиц в названном списке и в последней редакции «Дыма» может показаться, что автор осуществил свои прежние намерения: число основных героев в романе осталось тем же самым, произошли сравнительно небольшие изменения — Иван Петрович Суханчиков был заменен Матреной Суханчиковой, исчез Василий Васильевич Чекмезов, появился Бамбаев и т. д. Тем не менее, мы можем утвердительно сказать, что первоначальный замысел претерпел значительные изменения. В 1867 г. роман существенно отличался от того, который был задуман в 1862 г.: Англия даже не упоминается в окончательном тексте.

Судя по первоначальному наброску имен героев, автор собирался писать об «учителях», смущающих молодежь своими идеями. Именно в этом плане должна быть понята запись «Губарев — О.», подтверждаемая личным спором Тургенева с Герценом и Огаревым. Но в тексте 1867 г. разоблачаются не «учителя», а те, кто опошлял их идеи. Место учителей заняли вульгаризаторы их идей¹⁹. Герцен видел слабые стороны общест-

венного движения 60-х годов и остро критиковал их. Тургенев, в свою очередь, подметил и осудил эти слабые стороны. И хотя художественный суд писателя опирался на иные, чем у Герцена, идейные позиции, он не был направлен против издателей «Колокола».

В пору реализации замысла «Дыма» социальные взгляды Тургенева не изменились, но спор его с Герценом уже утратил свой открыто враждебный характер. Посылая 5/17 мая 1867 г. экземпляр своего нового романа Герцену и пользуясь этим случаем, чтобы возобновить прерванную связь с ним, Тургенев сам недвусмысленно указал на объект своей сатиры. Он писал: «...да сверх того, и Гейдельбергские мои арабески тебе, вероятно, не понравятся. Как бы то ни было — дело сделано. Одно меня несколько ободряет: ведь и тебя партия молодых рефужиа пожаловала в отсталые и в реаки; расстояние между нами и поуменьшилось».

Что это за «партия молодых рефужиа»? В 1862 г. молодежь Гейдельберга пожаловала, как мы видели, Тургенева в «отсталые», в данном письме к Герцену писатель сам напоминает об этом. Теперь, в 1867 г., эта молодежь, по словам Тургенева, отнесла к «отсталым» и Герцена. Сомнений нет, Тургенев говорит о «молодой эмиграции» и ее разрыве с лондонскими пропагандистами. Главными вехами этого разрыва явились: съезд русских эмигрантов в Женеве (1864 г.) и две статьи А. А. Серно-Соловьевича²⁰. В 1862 г. новое поколение революционеров за рубежом увлекалось идеями Герцена. В 1867 г. молодежь уже считала «лондонских изгнанников» своими идейными противниками, сошедшими с арены общественной борьбы. Вот что имел в виду Тургенев, когда писал, что расстояние между ним и Герценом «поуменьшилось», их обоих эмигранты записали «в отсталые и в реаки».

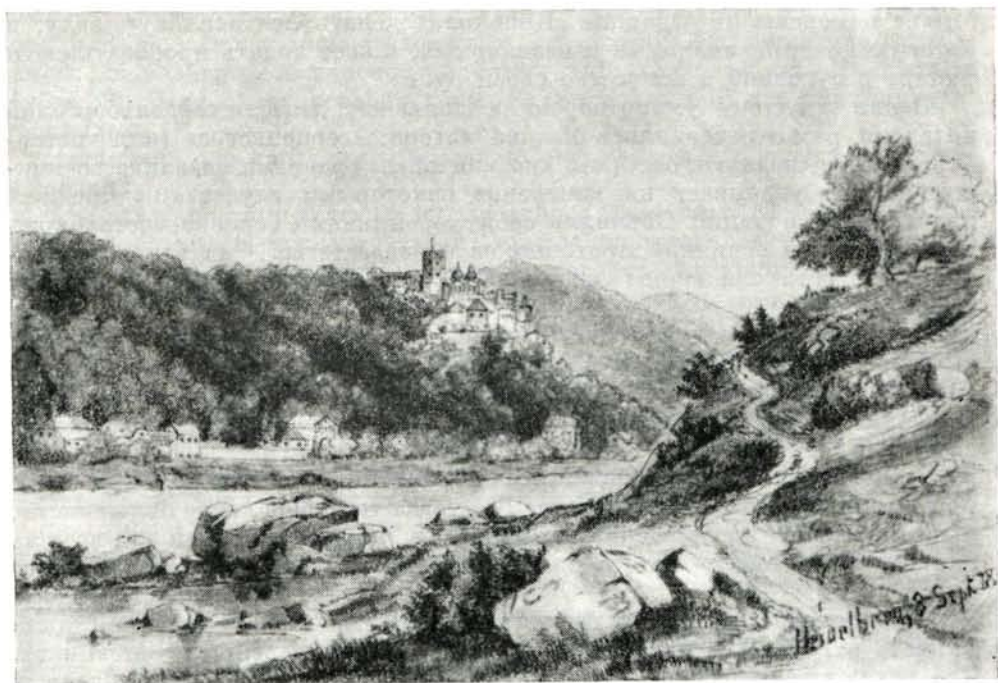
В адрес русской эмигрантской молодежи и была направлена теперь критика Тургенева.

2

Но прав ли был исторически Тургенев в своих суждениях о гейдельбергской молодежи? Какими реальными сведениями мы располагаем о ее деятелях? Освещение этого вопроса позволяет убедиться в правоте писателя.

Как уже было отмечено, в 1861—1862 гг. в Гейдельберге возникла русская читальня; тогда же была сделана попытка сближения молодежи и Герцена. Но уже осенью этого года среди студентов начались разногласия, быстро утратившие свой идейный характер. Это, в свою очередь, привело к падению роли читальни и вскоре к фактической ликвидации ее. Состав русской колонии оказался слишком пестрым. Настоящих революционеров, которые остались верны своим идеалам до конца, было немного (Н. Д. Ножин, В. И. Бакст, А. Л. Ливев и некоторые другие), большинство гейдельбержцев составляли люди умеренных взглядов (В. Ф. Лугинин, Н. В. Альбертини, Г. С. Веселитский-Божидарович). Некоторые оказались «революционерами» только на час (Е. В. де Роберти, А. О. Преженцов). Немало было и реакционно настроенных, не скрывавших своей антипатии к демократически мыслящим студентам (А. и Д. Воейковы, В. И. Герье, В. И. Сергиевич, Л. И. Лаврентьев и другие). «Материалов для сатиры Гейдельберг мог доставить кучу, — писал один из критиков, посвятивших этой части «Дыма» несколько обличительных страниц, — там были все оттенки, от ультра-красных, велико- и малороссийских радикалов до безобидных филистеров остзейского происхождения, мечтавших о популяризации в России интересов des gesammten Vaterlandes»²¹.

В заграничных университетских городах оказались не только вынужденные изгнанники, но и те, которые гнались за «общественной модой». Радикализм последних был весьма поверхностным.

ГЕЙДЕЛЬБЕРГ

Рисунок (карандаш) Е. А. Греч, 1860-е годы
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Герцен «безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма»²². «Процесс 32-х» показал, насколько действенна была пропаганда «Колокола». Смелыми статьями о Польше Герцен «спас честь русской демократии»²³. Но это отпугнуло от него либеральную часть общества. Процесс размежевания ярко проявился и в среде гейдельбергских студентов, еще недавно называвших себя сторонниками Герцена. В 1863 г. началось «прозрение»: кончились «славные дела» гейдельбергской молодежи, кончилось и паломничество к Герцену в Лондон. Читальня, ставшая открытым для всех клубом, утратила свой политический характер²⁴. Думается, что не только о либералах, открыто ставших после 1863 г. на сторону самодержавия, и не только о падении влияния «Колокола» в России сообщал Герцен в известном письме к Тургеневу от 29 марта/10 апреля 1864 г.: «Мы испытываем отлив людей с 1863 — так, как испытали его прилив от 1856 до 1862»²⁵. Герцен, безусловно, имел в виду и многочисленных русских за границей, которые «осознали» свои «ошибки молодости» и «раскаивались» в них. Бывшие сторонники Герцена посылали теперь в редакцию «Колокола» письма, выражавшие недовольство направлением статей своих недавних учителей. Подобные послания вызвали уже в 1863 г. специальное письмо Герцена, в котором говорилось:

«Мы получили длинное письмо из Гейдельберга от 6 августа, автор не прочь, чтобы мы напечатали его без имени, но с нашим ответом. Мы не напечатать ни имени, ни письма, ни ответа.

Мы еще раз просим всех господ, недовольных нами, посылать статьи в другие русские журналы, особенно когда в них, как в гейдельбергском послании, все так согласно с постановлениями императорской цензуры.

Мы не намерены из редакции „Колокола“ делать фехтовальную залу, в которую каждый, знакомый и незнакомый, может ходить пробовать свою ратину с пуговкой и искусство своей руки»²⁶.

После «гнусного умиротворения» Польши²⁷ деятели гейдельбергской читальни резко разделились на два лагеря: «герценистов» (или «петербуржцев») и «катковистов» (или «москвичей»). Уже само название возникших партий указывает на изменение некоторыми студентами прежней политической позиции. Объявляя себя сторонниками Герцена, «петербуржцы» тем самым обвиняли противников в ренегатстве. Они открыто говорили, что остаются верны своему учителю. Польский вопрос послужил началом борьбы.

Наиболее радикальная часть студенчества, во главе с В. Бакстом, вывесила подписной лист в пользу семей погибших повстанцев, другая, более многочисленная группа, во главе с реакционно настроенным В. И. Герье, организовала подписку в пользу солдат, погибших при подавлении восстания²⁸.

Разногласия среди членов читальни были настолько сильны, что о примирении не могло быть и речи. Вот тогда-то либеральное большинство и потребовало превращения читальни в клуб, открытый для всех за плату. «Герценисты» отказались принимать участие в делах этого клуба.

В то же время многие из бывших активных «деятелей» читальни стали уезжать в Россию и превращались там в благонамеренных чиновников. Так уехал в Пензу Я. В. Сабуров, еще недавно, в период ожесточенных споров, объявлявший себя «герценистом». Узнав, что он стал судебным следователем, сторонник левого крыла читальни Линеv писал 21 января 1865 г.: «Неужели тысячи трудовых рублей (крестьянских — мы еще старого завета с вами), потраченных на нас, должны были достаться человеку, который берет на себя общественные обязанности только из-за того, чтобы убивать скуку. И не значит ли это оживлять умирающее чиновничество, эту нарисованную форму без смысла. Не верю, не верю, чтобы это был Яков Сабуров. Вашу руку, Сабуров, и пойдемте вместе»²⁹. Но Сабуров, как и многие другие, уже не мог идти прежним путем.

С 1864 г. все меньше становится русских учащихся в Гейдельберге: они, минуя теперь не только Гейдельберг, но и Лондон, направляются прямо в Женеву, куда и переместился центр русской революционной молодежи за границей. Ко времени, когда в России возникло дело «о лицах, бывших основателями или членами устроенной в Гейдельберге русской читальни, цель которой состояла в распространении революционной пропаганды», оказалось, что почти все, привлеченные к дознанию комиссией Муравьева, уже разочаровались в своей «революционной» деятельности. Период спада революционного движения оказал воздействие и на умонастроение недавних «радикалов». Суровый приговор по делу о читальне явился следствием страха правительства, напуганного выстрелом Каракозова. Массовые аресты и ссылки только из одного подозрения в сочувствии «нигилизму» стали обычным явлением.

К следствию были привлечены: А. Л. Линеv, С. Т. Константинов, В. И. Бакст, В. Ф. Лугинин, Н. В. Альбертини, Н. Л. Владимиров, А. Ф. Стуарт, Г. С. Веселитский-Божидарович, В. Ф. Нагель, Н. Дубровин, Пав. А. Капнист, Ник. А. Неклюдов (число русских в Гейдельберге в 1862 г. достигало 60, но далеко не все они принимали участие в политических спорах). Названные лица (кроме Бакста и Лугинина) уже вернулись в Россию. Следственная комиссия имела возможность «расправиться» со всеми, но административным взысканиям подверглись только первые восемь человек. Это и были, как установило следствие, организаторы русской молодежи в Гейдельберге, люди, лучше других знавшие Герцена и

Огарева, участвовавшие в их пропагандистской работе в 1862 г. Вокруг этих лиц группировались студенты, с их судьбой была связана судьба самой гейдельбергской русской колонии. Нагель, Неклюдов, Капнист и Дубровин были сразу освобождены. Их образ мыслей не был признан крамольным.

Насколько же серьезным оказался радикализм «опасных» деятелей читальни?

В. Бакст, видный деятель студенческого движения 1861 г., один из немногих истинных последователей Герцена, пользовался большим авторитетом в среде эмиграции. С его именем связаны все крупные события в жизни гейдельбергских студентов: организация читальни, выход «Летучих листов», деятельность Бернской типографии и т. п. Вплоть до 70-х годов он не прекращал своих связей с семьей Герцена и Огаревым³⁰.

Верными демократическим принципам 60-х годов остались и два других деятеля читальни — Линева и Константинов. Линева был связан в 1866 г. с караказовским кругом. Будучи выслан в Вологодскую губернию, он и там продолжал деятельность революционера. Местные власти опасались воздействия Линева на рабочих (он работал механиком на солеваренном заводе) и докладывали о его вредном влиянии на местное общество³¹. Опасения властей имели основания. В ссылке Линева познакомился с П. Л. Лавровым. Освобожденный от строгого полицейского надзора в октябре 1872 г., Линева стал эмигрантом, связав свою судьбу с журналом «Вперед!». Шесть лет, вместо полагавшихся по приговору пяти, провел в ссылке и Константинов, друг Линева, активный деятель эмиграции. Константинов — автор единственной известной нам корреспонденции гейдельбержцев в заграничной русской прессе — статьи «О петербургских пожарах» («Правдолюбивый», 1862, № 8). В 1866 г. Константинов был еще связан с Линевым, разделял его убеждения.

Таковы были организаторы читальни, не изменившие своих взглядов и в 1866 г. Недаром имена двух из них (Линева и Константинова) упоминаются во всеподданнейшей записке Муравьева³². По мнению комиссии, эти люди были наиболее «неблагонадежны».

Иная участь постигла других осужденных в 1866 г. Комиссия хорошо поняла, видимо, что они не представляют серьезной угрозы самодержавному государству. В 1869—1870 гг. сосланные (они были осуждены, как и Линева с Константиновым, на пять лет) уже были освобождены досрочно.

К активным деятелям читальни принадлежал и Лугинин, уехавший в Гейдельберг продолжать образование еще в 1860 г. Вскоре он становится главою, наряду с В. Бакстом, гейдельбергской читальни и сближается с Герценом. «Во время пребывания Лугинина в Лондоне Герцен переписывался с Гейдельбергом через Лугинина», — значится в «Справке III Отделения»³³. Лугинин возил письмо Огарева с проектом адреса царю к Тургеневу и передавал тургеневский ответ в Лондон, он же помогал материально многим начинаниям эмиграции³⁴. Но при всем этом Лугинин всегда оставался только либералом, чего и сам никогда не скрывал. «Как я ни стараюсь принудить себя, — писал он графине Салиас 30 ноября 1864 г., — а нигилистов *pur sang* * не могу я переваривать и, несмотря на все старания мои, остаюсь не более как жирондою»³⁵. «Наука всецело увлекала меня, а политика скорее отталкивала, по крайней мере, в том виде, как в то время ее проповедовали тогдашние корифеи нашего движения, — писал он позднее. — Конечно, я был, как и большинство моих современников, горячий сторонник представительной формы правления и мирного разрешения нашего векового спора с Польшей. При этом, сколько я себя помню, я всегда враждебно относился к так называемому социальному

* чистокровных (франц.).

A tout venant je crache

Богъ не выдастъ — Свиныя не съестъ.

Листъ 2.

24. Мае 1864.

Отъ редакции.
A tout venant je crache
будетъ выдано по клубу коллективнаго характера.
Цель его просветительная, а лозунгъ — Vae victis!
Предупреждаемъ!

Подпемаются на Бога не выдастъ — Свиныя
не съестъ — вселен.
Редакция сама извѣщаетъ подписчиковъ. Подписчики
платятъ рубль.

Письма матери Матрены.

Письмо 1.

Es gibt hier sehr viel Russen.
Aber Euch nicht!
(Was das Opfer: alle in einer Hand.)

Малыя дѣти! Вы брали меня, — невет-
мид; вы хотите побить меня — это уже не
хорошо. Подумали ли вы, что вы затравите?
Батя! Сынъ! — выли дѣти, иль вы въ
Европѣ живете, съ людьми живете? Сила?...
Опонайтесь, — иль вы не Каэры, не Готен-
тогы каіе нибудь; вы свѣсь Латышей,
Морды и Монголовъ, а это хотя и шачіе
дегъ, но все воплячише. Рядомъ съ вами
люди живутъ, Поляки живутъ, — берите при-
кѣрь съ нихъ. У нихъ зной издавался
журналъ: много личности были задѣты, а
мысль о мордобитіи и сѣсныя нѣкому и въ
голову не пришла. Не даромъ старикъ Ле-
левель, которого вы конечно не читали, сово-
звалъ въ единствѣ происхожденія Поляковъ
и русскихъ. Если вы, моя калыа, ищете съ-
двинки, считайте силу кривоты, то уже и
ходите поделание: это хотя и бѣдѣтѣ всѣмъ
противно, но то бѣдѣтѣ неосвѣтливо.

И чего вы доблѣнились то? И направле-
ние то каіе свѣрое у васъ: сейчасъ все
свалить на одного, и сдѣлать нѣтъ типа личности!
Вообще я вами недоволенъ, иными дѣти — и
догнать нѣтъ у васъ. Никъ бы погнать, сви-
лиши все на одного; иль нѣкто не погнать,
что тотъ, кто могъ вынудиться о мордобитіи,
станетъ въ самомъ дѣлѣ вступаться за права
личности. Одно время я думала, что вы поняли
основную мысль всего стихотворенія, поняли,
что ваше общество, Катковъ и нѣкій-то
Докъ три послѣдовательныя, тѣсно-связан-
ныя между собой ступени развитія. Но впро-
чемъ гдѣ же нѣтъ, гаушнѣннѣ дѣти? Пре-
нѣтъ типъ на личность, вы просто боялись,
что и на вами найдутся грѣшки; но условно-
то — такой грѣхъ журналъ не ставитъ
расплатить; для него нужны были партіи,
тѣмъ, общіе нѣмцы, а что такое личность,
особенно ваша? Прочтите у Милы, если

«A TOUT VENANT JE CRACHE, или БОГЪ НЕ ВЫДАСТЪ — СВИНЫЯ НЕ СЪЕСТЪ»
ЖУРНАЛЪ РУССКИХЪ СТУДЕНТОВЪ ВЪ ГЕЙДЕЛЬБЕРГѢ

Листъ второй, 24 мая 1864 г., страница 1

Центральный архив Октябрьской революціи, Москва

движенію, то есть насильственному разрешенію социального вопро-
са, вполне сочувствуя вместе с темъ всякому успеху кооперативного дви-
женія»³⁶. Поэтомъ в спорѣ Огарева и Тургенева в 1862 г. Лугининъ стал
на сторону послѣднего; онъ также ратовалъ за превращеніе читальни в от-
крытый для всехъ клубъ. Лугининъ возлагалъ большіе надежды на им же впер-
вые организованное в Россіи ссудо-сберегательное товарищество, постро-
енное по образцу шульце-деличевской коопераціи³⁷. Но несмотря на
умеренность взглядовъ Лугинина, Герценъ ценилъ его, такъ какъ это былъ «чест-
нейшій, чистейшій человекъ»³⁸. Герценъ считалъ, что только Лугинину
можно было бы доверить матеріальную часть «Колокола»³⁹.

Трудно сказать, что повлияло на смягченіе судьбы вернувшегося в
Россию Лугинина: просительные письма его отца, богатого костромскаго
помещика, или же другіе, неизвѣстные намъ обстоятельства. Но в 1867 г.
Лугинину было разрешено жить в имении отца, затемъ — лечиться за гра-
ницей; в 1869 г. с него уже былъ снятъ строгій полицейскій надзоръ.

Но если Лугининъ никогда не менялъ своихъ либеральныхъ убѣжденій, то
трое другихъ (Владимировъ, Стуртъ и Веселитскій-Божидаровичъ), объявляв-
шихъ себя крайними радикалами в 1862 г., черезъ два года полностью вы-
явили свою благонамеренность.

судите: онъ называется подобнымъ нямъ: — „conglomerate mediocrity.“ Вотъ наше общечеловѣческое званіе.

Но кромѣ того есть у насъ и национальное званіе: его не скроетъ ивѣское платье. Je te salue, beau paleque! Какъ мать и считала священнымъ долгомъ сказать намъ объ немъ нѣсколько словъ. Вы только отпрыски большого, родного дерева, глубоко запущеннаго корня въ русскую почву. Ваша братія нилія выказалась въ послѣднее время на родномъ привольѣ: это она подписывается на наданія Каткова, это она нлѣтъ Муравьему обращъ да адрессы, и расхлѣбываетъ съ нямъ красное вино!.....

Милыя дѣти! хотя я болѣю моему материнскому сердцу, но приходится еще побранить васъ: — что за полнейшая у васъ натура! Видно, что не у матери нашей вы воспитывались, а были отпавши въ милостива нѣ чужія руки! Получили журналы, — собирать конверты, слѣдить адрессы, прилагать свои скучныя поздравія въ хвостъ къ отпавшій зачеркнутой типографскаго штемпеля, да въ на счетъ нѣбывающихъ телеграммъ, и проч., — что это такое? А наука то пригодилась! Хороши такіе должны были быть ваша рыд-

чикъ, исковеркавшая нѣтъ микрокосмъ. — родная мать отвернулась бы! Ну узнали, развѣ? Да не узнаете вы ни за что вѣтъ нѣ Чего шуките, выдумываете вѣтъ вѣтъ нѣ нѣмъ запаси, какъ перестали учиться? Дѣло не дѣлосе: ступайте въ типографію, спросите кто? ... когда же васъ оттуда прогонять нѣ шукъ, нѣтъ въ сузъ. Когда-жъ и оттуда прогонять, значить журналы нѣтъ право ругать Москву. Редакторы нѣтъ умные, они жаритъ распорядилась, и про нѣтъ законы узнали, да и не такіе, чтобы не пользоваться своимъ правомъ. Quis suo jure utitur, semper laetit.

Такъ то, милыя дѣти, до будущаго письма. Но нрѣтъ кончому я должна предупредить нямъ, что если вы будете душно себя вести, то слѣдующій номеръ будетъ начепагаль на французскій языкъ, и тогда нѣтъ очень плохо; Нѣмцы, нѣтъ и тѣ прочтутъ!

Дѣти, осенній крестъ на столѣ:

РАСХЛѢБАЙТЕ!

Ваша мать

Матрѣнѣ.

Heidelberg, 24ro Mai 1864.

A tout venant je crache à Heidelberg — съя Москва.

Ахъ Вы дѣти, мои дѣти.
Дѣти милыя мои,
Абы изенные, дубовые,
Осиновые!

На голосъ. Какъ вольному Сентября,
Мнѣ за вѣтъ, за вѣтъ,
Отъ арабскаго уша (bis).

Какъ журналы нямъ получили,
Дураками все хомля,
„Какъ тутъ поступить?“ (bis)

Долго душны, газала,
Нахоренъ себя узнали,
„Братцы — это мы!

„Это просто нѣтъ нѣтъ.
„Что за подлая снѣдья,
„Выдуть нямъ журналы!

„Мнѣ тутъ жила — поминали,
„И Каткова лишь читали,
„Генѣ право оны!

„И вдругъ эти нѣтъ нѣтъ,
„Подлецъ, снѣмкарны,
„Томъ за журналы!

„Это нрѣтъ развращенны,
„Изаблуть безъ позволенія,
„Надо какъ подъ сузъ!

«A TOUT VENANT JE CRACHE, или БОГ НЕ ВЫДАСТ — СВИНЬЯ НЕ СЪЕСТ»
ЖУРНАЛ РУССКИХ СТУДЕНТОВ В ГЕЙДЕЛЬБЕРГЕ

Лист второй, 24 мая 1864 г., страница 2

Центральный архив Октябрьской революции, Москва

Как уже говорилось, Тургенев сначала заинтересовался первым из них, Владимиром, но быстро убедился в несерьезности его убеждений. И это понятно. Следствие установило на основании свидетельских показаний, что Владимир в 1862 г. был «одним из наиболее резко высказывающих свои либеральные идеи»⁴⁰. Однако в этих показаниях отмечаются и другие качества его личности. Студенты, знавшие Владимира по Гейдельбергу, единодушно характеризуют его как человека, чей радикализм уживался с чрезмерной самоуверенностью и даже позерством; «...сильно увлекающийся демократ, самодовольный и самоуверенный в общем характер», — записал А. П. Баумgarten в своих ответах на вопросы следователя⁴¹. Стюарт же отметил, что еще в Петербургском университете у Владимира была «репутация незначительного, но самоуверенного человека», даже склонного к сплетне⁴². Разгадал этого «радикала» и Герцен. Но интересно, что на него, как и на Тургенева, Владимир сначала произвел хорошее впечатление. «Владимира я помню, — писал Герцен 18/30 января 1864 г. Н. А. Герцен и М. Мейзенбург, — он очень хороший, кажется, молодой человек»⁴³. Но когда перед отъездом в Россию в мае 1864 г. Владимир явился к Герцену в последний раз, тот так писал своим детям о произведенном на него впечатлении: «Был у меня Воло-

димиров; он едет сегодня в Россию. Мне на сей раз он не понравился — фат и глуп, в сюртуке цвета горлицы и в белом галстухе с мушками — лебу пандан»⁴⁴. Поверхностный либерализм Владимирова быстро улетучился. В декабре 1867 г. он, по-видимому совершенно искренне, писал председателю следственной комиссии П. А. Шувалову (он сменил в 1866 г. умершего Муравьева): «С того времени, когда я начал сам за себя думать <с 21-го года, т. е. с 1865 г. — А. М.>, я с благоговением отношусь к направлению нашего правительства». Уже в 1867 г. Владиминову было разрешено жить в любом городе, кроме столиц⁴⁵. В 70-е годы он — вполне благонамеренный чиновник.

Подобная эволюция произошла и со Стuarтом, которому Комиссия вскоре разрешила «вместо определенного взыскания отправиться в г. Дерпт для окончания университетского курса». Стuarт, видимо, постарался оправдать это «доверие». В октябре 1867 г. в специальной записке министру народного просвещения попечитель Дерптского учебного округа писал, что «барон Стuarт, к сожалению, здесь особенно старается распространить во вред другим неверные слухи», чем «возбудил справедливое против себя негодование студентов», которые заподозрили в нем шпиона⁴⁶. В январе 1869 г. он уже был прощен.

Такова же судьба Веселитского-Божидаровича. В 1881 г. он был одним из видных членов «священной дружины» и сотрудником газет и журналов охранительного направления⁴⁷. О быстроте раскаяния Веселитского в «грехах молодости» и о том, что эта метаморфоза не была случайной, свидетельствуют его многочисленные верноподданные письма, находящиеся в делах следственной комиссии. «Смею думать, — писал он, например, 14 октября 1866 г., — что с 1862 г., т. е. с того времени, как начал входить в совершеннолетие и становиться нравственно ответственным за свои поступки <в том же году он уехал из Гейдельберга — А. М.>, жизнь <моя> не представляет ничего не согласного с самым точным выполнением обязанностей верноподданного русского»⁴⁸.

Интересно отметить, что ни Константинов, ни Линева не писали никаких просительных и «извинительных» писем, в то время как толстое, более чем на 500 листах, дело гейдельбержцев почти наполовину заполнено слезными письмами Владимирова, Веселитского и Стuarта. Они не без основания были удивлены первоначальной строгостью приговора — ссылкой на пять лет.

В упоминавшейся записке гр. Муравьева, кроме Линева и Константинова, было названо имя Альбертини, либерального критика «Голоса» и «Отечественных записок» А. А. Краевского. Связанный с демократическими кругами, Альбертини дважды (в 1861 и в 1862 гг.) подвергался аресту. Однако уже в конце 1862 г. он совершенно «разошелся во мнениях»⁴⁹ с Герценом и другими эмигрантами и, приехав в Гейдельберг, сторонился «душной» политической атмосферы. «Я избегаю всяких сношений с ними <русскими. — А. М.>; но в таком городе, как Гейдельберг, нельзя же не встречаться соотечественникам», — писал Альбертини Краевскому 6 октября 1862 г.⁵⁰ «Его пятнадцатилетнюю ссылку по делу о гейдельбергской читальне нельзя не признать вопиющей несообразностью: никакой опасности для самодержавия этот человек уже не представлял», — справедливо указывал Б. П. Козьмин⁵¹.

Итак, на вопрос, каков был радикализм деятелей гейдельбергской читальни, можно с уверенностью ответить: почти все они оказались лишь попутчиками Герцена и общественного движения. Но если таковы были «руководители» гейдельбержцев, то что же являла собою «масса»? Напомним кратко о некоторых ее представителях.

Н. И. Бакст, брат В. И. Бакста, в 1862 г. радикал и социалист, впоследствии совершенно отошел от общественного движения⁵². Он известен как

либеральный публицист «Слова» и «С.-Петербургских ведомостей», а в 80-х годах как сторонник Каткова. Преженцов — в 70-х годах сотрудник либеральных газет и журналов. Случевский уже в конце 60-х годов — реакционный публицист. А вот и видные чиновники: Неклюдов — товарищ министра внутренних дел, Капцист — управляющий канцелярией Министерства юстиции, Сабуров — сенатор. А. Ф. Кони вспоминал о некоем Г. Г. П..., который в начале 60-х годов «увлекался революцией», а в начале 70-х годов стал агентом III Отделения за границей⁵³.

Проследим подробнее за быстрой эволюцией общественных взглядов одного из рядовых и весьма типичных деятелей гейдельбергской читальни — Е. В. де Роберти.

В 60-х годах он, вместе с Преженцовым и Сабуровым, выпускал сатирический листок «A tout venant je sache *», или Бог не выдаст — свинья не съест» (в «Дыме» упоминается этот листок с примечанием: «Исторический факт»). Участники журнала претендовали на глубокое понимание явлений русской жизни и были убеждены, что им удалось это выразить в сатирических произведениях. Найденные два номера журнала не подтверждают этого⁵⁴, не говорит об этом и сохранившаяся в скупом пересказе С. Сватикова публицистическая статья де Роберти того же времени.

В статье, посвященной польскому вопросу, и в редактируемом де Роберти журнале громились «катковисты», говорилось о «судьбах польской и русской свободы», которые «связаны неразрывно»⁵⁵. Де Роберти причислял себя к «герценистам» и был убежден, что «очень сошелся» с издателем «Колокола»⁵⁶. А имя редактора «Русского вестника» было для этого гейдельбергского студента своеобразным ругательством. Однако Герцен быстро сумел распознать за поверхностным «герценизмом» типичный либерализм. В 1864 г. он пишет Огареву: «Ничего не жду от де Роберти»⁵⁷.

В 70-х годах де Роберти уже целиком предан научной деятельности, отразившей дальнейшее развитие его общественных воззрений. Он видный ученый-позитивист, автор «скупной», по отзыву Герцена⁵⁸, книги «Политико-экономические этюды» (СПб., 1869), в которой содержалось «опровержение» учения К. Маркса. В 80-х годах де Роберти считал возможным подписаться под прямым панегириком Каткову (которого он недавно так «ненавидел»), появившимся в «Новом времени» (1887, № 4091, 21 июля). Де Роберти писал автору статьи К. А. Скальковскому 5 августа 1887 г.: «Читал одну — и только одну — умную статью о Каткове и очень рад узнать, что она ваша. Статья в самом деле прекрасная, и с нею можно вас только поздравить. Читая ее, я даже удивлен смелости „Нового времени“, ее напечатавшего, и поэтому приписал ее сначала Суворину»⁵⁹.

В 1905 г. де Роберти примкнул к кадетской партии и выступал на заседаниях ее руководящих органов⁶⁰. В 1915 г. он был убит в своем имении. Следствие установило, что «крестьяне не скрывают своей радости по поводу смерти де Роберти, крайне обострившего свои отношения с крестьянами возбуждением против них целого ряда судебных дел»⁶¹. Таков путь типичного либерала, вообразившего себя в 1862—1864 гг. «герценистом».

Гейдельбержцы быстро разочаровали Тургенева, но был ли он осведомлен об их дальнейшей эволюции?

Общение писателя со студентами, начавшееся в 1862 г., не прекращалось и в дальнейшем. Он хорошо знал Случевского, братьев Бакстов, Лугинина, Альбертини, обоих де Роберти⁶² и, видимо, был знаком со многими другими. Гейдельбергская молодежь считала даже необходимым «информировать» автора «Отцов и детей» о своей жизни: так, например,

* «На всякого проходящего я плюю» (франц.).

он получал сатирический листок «Бог не выдаст — свинья не съест», выходивший в малом числе экземпляров и высылавшийся только избранным редакцией лицам. Тургенев продолжал посещать Гейдельберг. «Иногда съездишь в Гейдельберг — считаешь — впрочем, без большого удовольствия», — писал он И. П. Борисову 5/17 июня 1864 г., жалуясь на отсутствие в Бадене русских журналов. «В первые годы пребывания своего в Бадене (т. е. в начале 60-х годов. — А. М.) Тургенев сживал часто около кургауза, окруженный русскими студентами из Гейдельберга», — вспоминает товарищ Тургенева по Берлинскому университету ⁶³.

Эти беседы и встречи показали Тургеневу наносный характер их общественных увлечений, отсутствие у них серьезных мыслей. В суждениях о духе молодежи, которую Тургенев увидел за границей, он опирался прежде всего на свои наблюдения над жизнью русской колонии в Гейдельберге, деятели которой оказались, по его выражению, «весьма обыкновенными колпаками». Подобные впечатления сложились не у одного Тургенева. Даже люди, более близко знавшие многих членов читальни и в общем сочувствующие им, отзывались об их деятельности отрицательно.

До нас дошли немногочисленные воспоминания о жизни гейдельбергских студентов. Авторы этих мемуаров — преимущественно либералы — не однородны в своих высказываниях о современной молодежи: одни из них относились к ней сочувственно, другие — насмешливо и раздражительно. Но и те и другие оказались единодушны в оценке ряда явлений, и это единодушие нельзя признать случайным совпадением. Шумиха, раздутое самолюбие спорщиков и несерьезность самих споров были отмечены и Пироговым ⁶⁴, и Новицким ⁶⁵, и Альбертини, почти дословно повторяющим слова Новицкого ⁶⁶, и Л. Г. (корреспондентом «Голоса») ⁶⁷, и Романовичем-Славатиным; об этом же говорят корреспонденции М. Волзовского и С. А. Усова в «Библиотеке для чтения» ⁶⁸. «Это был интересный момент в истории русской эмиграции, момент, избранный Тургеневым в его „Дыме“, — писал, например, Романович-Славатинский. — Мне кажется, что некоторые лица этой повести срисованы с гейдельбергских оригиналов 1861 г.: по крайней мере, читая ее, я узнавал в ней моих коротких знакомых» ⁶⁹.

О тех же качествах эмигрантской молодежи свидетельствовал и демократический деятель 60-х годов В. О. Ковалевский. После возвращения в Россию в 1866 г. Ковалевский, осведомленный о деятельности лондонских эмигрантов, был обвинен в шпионстве. Оскорбленный этими слухами, он вернулся за границу, чтобы выяснить источник сплетен. Ковалевскому сообщили, что слух этот распространял Н. Бакст в отместку за то, что Ковалевский был «невольным поводом» обвинения самого Бакста в нечестном поступке. Распространение сплетни было столь широко, что о ней узнал и Герцен. 14 сентября 1866 г. Ковалевский написал ему с целью опровергнуть нелепый слух. Вот отрывок из этого письма: «Вспомните, что я никогда не касался, бегал гнусной Баксто-Стуарто-Веселичко-Владимировской партии, ничтожной, самолюбивой, сплетничавшей, представлявшей в своей деятельности прообраз того, что мы видим в эмиграции после окончания спектакля...» В подтверждение своих высказываний Ковалевский ссылаясь на другую клевету, сфабрикованную в Гейдельберге ⁷⁰. Трудно, конечно, утверждать, насколько данная характеристика справедлива по отношению ко всем упомянутым в письме студентам; трое из них в то время были привлечены по делу о читальне. Однако распространенное в среде русских за границей увлечение мнимореволюционной болтовней, сплетнями и клеветой отмечалось и другими ⁷¹. Сам же писатель говорил, что в сценах у Губарева он показал «массу людей, занятых революционной сплетней» ⁷².

Суждения Ковалевского о раздутом самолюбии гейдельбергских студентов, которые возомнили себя опасными для русского правительства людьми, имели основание. В большинстве случаев это была поза «вьюношей» (выражение Потугина), опыненных своей оппозицией, своими с апломбом высказанными тирадами. Это подтверждается судьбой почти всех гейдельбергских деятелей. Первое же серьезное испытание (польское восстание) вызвало распад русской читальни. Ковалевский оказался прав. Эти люди «напрасно эмигрировали». Как мы видели, радикализм всех названных в письме лиц не был серьезным. Недаром Ковалевский не называет имен Линева, Константинова, Лугинина, которые тоже были привлечены к дознанию и о руководящей роли которых в организации и делах читальни он не мог не знать ⁷³.

Мнение о «несерьезности» гейдельбержцев продолжало жить вплоть до 80-х годов. Газета «Общее дело» в одной из заметок 1879 г. писала: «В самом начале 60-х гг., когда затевалось столько дел великих и малых, геройских и смехотворных, когда покойный генерал Мирославский готовил борцов польского восстания, когда Герцен будил своим „Колоколом“ всю Россию, когда благородные юноши переносили свободное слово в Петербург и выпускали энергические листки „Великорусса“ <...>, — другие, более благоразумные юноши, показывали самодержавию кукиш в кармане в Гейдельберге, а Евгения Тур мечтала с г. Тургеневым о конституции в России...» ⁷⁴.

Тургенев не раз упрекали в том, что он не заметил серьезных идейных споров внутри эмиграции. Ограничив изображение русской молодежи кружком Губарева, он, якобы, тем самым подвел под понятие «губаревщины» не только всю «молодую эмиграцию», но и вообще все русское революционное движение 60-х годов ⁷⁵. Это верно только отчасти. Писатель действительно не показал радикально настроенную молодежь и не вывел на сцену нового Базарова, так как считал, что он еще не выявил себя с достаточной силой. Не отрицая существования этих новых Базаровых, Тургенев обратил свое внимание не на их деятельность, а на те качества русской зарубежной молодежи, которые особенно поразили его и которые он, не без основания, считал типичными для этого переходного времени. Писатель полагал, что эта молодежь, по крайней мере такая, какую он увидел в Гейдельберге, похожа на кружок Губарева. В образах Губарева, Ворошилова, Биндасова, Бамбаева нашла отражение та часть русских «радикалов», которая под воздействием событий 60-х годов (спад революционного движения, реакция) оказалась способной изменить своим убеждениям. Гейдельберг давал яркий материал для таких обобщений.

«...в Гейдельберге, — размышляет Литвинов, — теперь более сотни русских студентов; все учатся химии, физике, физиологии — ни о чем другом и слышать не хотят... А пройдет пять-шесть лет, и пятнадцати человек на курсах не будет у тех же знаменитых профессоров... ветер переменится, дым хлынет в другую сторону... дым... дым... дым!» К этому месту романа сделана весьма интересная сноска. «Предчувствия Литвинова сбылись, — пишет Тургенев. — В 1866 г. было в Гейдельберге учащихся русских в летний семестр тринадцать, а в зимний — двенадцать» (гл. XXVI) ⁷⁶. Тургенев, видимо, предвидя возможность упреков в искажении действительности, реальными фактами хотел подтвердить правильность мысли своей и своего героя и потому ввел данное уточнение. Уже нет в Гейдельберге тех, кто изучал науки, нет и тех, кто спорил на собраниях у Губарева; сам глава кружка, а с ним и все, кто его окружал, свободно вернулись в Россию, не подвергаясь там никаким преследованиям. Оставшиеся же утратили свой пыл. Шум, поднятый русскими студентами в 1862 г. в Гейдельберге, по мнению Тургенева, был не более, чем дымом, который к 1866 г. уже рассеялся.

«Я ездил на консультацию с Фридрихом (знаменитым доктором) в Гейдельберг, — писал Тургенев М. В. Авдееву 6/18 февраля 1866 г., — видел там кое-каких русских. И они все опустивши хвост ходят: молодые герои, на которых они надеялись, как на каменную стену, оказались весьма обыкновенными колпаками, — и „Московские ведомости“ торжествуют и царят во всю длину и ширину нашей эпохи». Таков итог наблюдений Тургенева.

На вопрос, что на самом деле представляла русская читальня в 1866 г. и каково было направление мыслей ее посетителей, вполне определенный ответ дает письмо Л. И. Лаврентьева (в то время еще учившегося в Гейдельбергском университете) к Герье от 1/13 мая 1866 г. «Событие 4 апреля <выстрел Каракозова. — А. М.> и в отдаленном Гейдельберге произвело большой переворот, — пишет он, — оно соединило членов здешнего русского общества, — лиц во многом несогласных между собою. По поводу же этого дела сошлись решительно все — единогласно. Конечно первым делом было составление поздравительного адреса» ⁷⁷. Лаврентьев теперь — один из наиболее постоянных посетителей читальни.

Тургенев, таким образом, не погрешил против истины. Единство в среде оставшихся гейдельбергских студентов было достигнуто на основе составления вернопопданнического адреса и подписки на портрет Александра II. «Колокол» они уже больше не получали, его заменили «Московские ведомости». Читальня стала вполне удовлетворять реакционно настроенных Лаврентьевых.

И это был довольно закономерный результат: гейдельбергская русская колония, состоящая из молодежи, еще ясно не определившей свое мировоззрение, распалась под первыми серьезными ударами жизни. Неудача революционного движения 60-х годов, крах революционной ситуации и наступившая вслед за ним реакция обусловили глубокий кризис всего русского общества и отразились на его действиях и умонастроении. Гибель «Земли и Воли», падение влияния «Колокола», а вскоре и прекращение его, ренегатство Кельсиева — все это указывало на серьезные изменения русской жизни середины десятилетия. Эти изменения и этот кризис с особенной силой сказались в среде русской эмиграции, и прежде всего в Гейдельберге. Их-то и подметил Тургенев, обративший внимание на характерные черты кризиса. «В Гейдельберге набралась масса русских, которые уже решительно ничего не делали, судя по словам самих профессоров, и наконец бесследно рассеялись», — говорил впоследствии писатель в беседе с одним из бывших гейдельбергских студентов ⁷⁸.

Поэтому говорить о том, что Тургенев хотел оклеветать радикальную молодежь, несправедливо. Он знал о существовании в те же 60-е годы иной революционной молодежи, но не против нее был направлен «Дым». Почему Тургенев не изобразил эту молодежь, мы узнаём из его письма к Д. И. Писареву (от 23 мая/4 июня 1867 г.). «...вы, — писал он, — не сообразили того, что если Базаров и жив — в чем я не сомневаюсь, — то в литературном произведении упоминать о нем нельзя: отнести к нему с критической точки — не следует, с другой — неудобно; да и, наконец, ему теперь только можно *заявлять* себя — на то он Базаров; а пока он себя не заявил, беседовать о нем или его устами — было бы совершенною прихотью, даже фальшью». И далее: «Мне было бы очень легко ввести фразу вроде того — что „однако вот, мол, есть у нас теперь дельные и сильные работники, трудящиеся в тишине“, — но из уважения и к этим работникам и к этой тишине я предпочел обойтись без этой фразы; молодежи не нужно, чтобы ей мазнули медом по губам, — я по крайней мере так думаю».

Таким образом, Тургенев сознательно обошел молчанием тех революционеров, которые и во время реакции продолжали свою деятельность. Однако, вопреки его утверждению в письме к Писареву, намек на существ-

ЖИЗНЕНАЯ ПЛАНЕТЫ ВЪЗДУШНО-ПРОСТРАНСТВЕННО-САТТЕРСКОГО РОМАНА И С. ДУВЕНЕРА

1. ДРЕВО ПОЗНАННЯ ДУРНОГО И ХОРОШЕГО ТОМА.

Comptroller Victor A. Stude

La leyenda cite
a la de la comunidad

Un autre redoublement

à l'ambur de cet arbre.
Jamais on n'est ad

Na los 1000 de ani de la

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

100

Данная работа является частью диссертации на соискание ученой степени кандидата наук.

He is the youngest son
He is the youngest son

Оцените эффективность д/во

U.S. ARMY TYPE LIBRARY

наименее дутыми являются 4-5-й. При этом, в зависимости от способа изготовления стержня, в нем могут быть обнаружены следующие дефекты:

условиях от графика работы на предприятии. Также

«ДЫМ. КАРИКАТУРНЫЙ РОМАН»

Рисунки и текст А. М. Волкова

Начало «романа». На переднем плане Тургенев (справа) и В. А. Соллогуб (слева)

«Искра», 3 марта 1868 г., № 8

вание подобных людей в романе все же сохранился. Их немного, но эти «несколько имен, которых потомство не забудет, произносилось со скрипением зубов» в гостиной Ратмирова. По представлениям Тургенева, это были русские деятели, живущие как в России, так и за границей. Тургенев не имел памфлетных намерений против радикальной молодежи вообще, а сатирически изобразил «уродливую» жизнь тех, кто «примазался» в определенный момент к Герцену.

История русской эмиграции после 1862 г. давала повод к такому критическому ее изображению. Изменение лица читальни в Гейдельберге, последовавшее вслед за шумными спорами о Польше, все более обострявшийся разрыв Герцена и молодежи, ренегатство бывших «эмигрантов», которые как ни в чем не бывало возвращались в Россию, не подвергаясь никаким репрессиям, — такова была одна из сторон их жизни. Это видел и Тургенев. Теперь он мог дать оценку шумливым «герценистам».

о неглубоких убеждениях которых он давно догадывался. Создавая роман, писатель безусловно учитывал как свои ранние, так и позднейшие наблюдения над жизнью гейдельбержцев. Они-то и определили политический смысл «Дыма» в его окончательной редакции. И хотя действие романа приурочено к 1862 г., анализ «гейдельбергских арабесок» дает право утверждать, что Тургенев изобразил не столько события и споры 1862 г., сколько жизнь русской эмиграции следующих четырех лет⁷⁹.

Все это нетрудно обнаружить, если проследить, о чем говорят и думают герои «гейдельбергских арабесок», каково содержание их споров, какие важные вопросы времени волнуют Губарева и его приятелей.

Просмотр газет и журналов, издававшихся за рубежом русскими в 1862—1866 гг., позволяет говорить, что Тургенев отразил в романе в виде различных намеков и высказываний персонажей лишь то, что было наиболее характерно для споров тех лет, то, что наиболее волновало умы, оставляя в стороне вопросы менее типичные, носившие быстро переходящий характер.

Таким важным вопросом был, например, вопрос об ассоциациях Шульце-Делича и Лассалья (интерес к этой проблеме проявился среди определенной части русской молодежи за границей в 1863—1865 гг.).

В 1863 г. большой шум в Германии поднялся вокруг рабочих ассоциаций. Спор Лассалья и Шульце-Делича отражал попытку по-разному разрешить классовые противоречия в Германии, используя при этом товарищества на кооперативных началах. Вопрос этот волновал и русских, особенно тех, кто жил в атмосфере самих споров. В Гейдельбергском университете в 1864 г. проф. Дитцель вел практикум, в котором специально ставился вопрос «об ассоциациях и споре Шульце-Делича и Лассалья», а доцент Ласпейрес посвятил этому же вопросу часть своего курса «О хозяйственной политике». Это безусловно содействовало привлечению интереса к теории и практике Шульце-Делича у русской молодежи, а взгляды немецкого экономиста связывались ею с судьбой русской формы ассоциации — артели. Вот как, например, размышляет по этому поводу один из «командированных за границу для приготовления к профессорскому званию» В. Лебедев: «Вопрос об ассоциациях нам очень близок, наш народ сам, без содействия образованных классов, выработал свою ассоциацию — артель. Это позволяет думать, что рабочие товарищества привились бы у нас очень хорошо, но, разумеется, не прямо пересаженные с западноевропейской почвы на русскую, а измененные соответственно духу и потребностям народа»⁸⁰ (вспомним, что и для Губарева важна была финансовая сторона вопроса об ассоциациях Шульце-Делича и Лассалья, чтобы использовать ее применительно к русской артели). Скоро подобного рода взгляды получили массовое распространение за рубежом (и нашли отклик в России⁸¹). Упоминание об ассоциациях и споре Шульце-Делича и Лассалья в «Дыме» может служить одним из доказательств невозможности отождествления образа Губарева с Огаревым, не возлагавшим надежд на теорию и практику немецких экономистов. Среди радикальной части русской эмиграции возникло даже стремление противостоять сторонникам таких теорий. В 1864—1865 гг. рядом ведущих деятелей «молодой эмиграции» (Н. И. Утиным, В. И. Касаткиным, Л. И. Мечниковым и др.) была предпринята попытка создать новую программу «Колокола», где прямо говорилось о задаче выступать против «прусских экономических воззрений (Шульц-Делич), представляющих вовсе ненужный и логически несостоятельный компромисс между теодицеею капитала и социализмом»⁸².

Таков смысл скупого намека в «Дыме», проясняющего содержание кратких реплик Губарева и вообще «гейдельбергских арабесок». Это содержание оказывается тесно связанным со спорами внутри гейдельбергской русской колонии и не имеет прямого отношения к Герцену и Огаре-

К. К. СЛУЧЕВСКИЙ, ПРОТОТИП
ВОРОШИЛОВА

Гравюра А. И. Зубчанинова, 1870-е годы

Литературный музей, Москва

ву. Всячески стремясь отъединить образ гейдельбергского вожака молодежи от истинных революционеров, Тургенев говорит о Губареве после его возвращения в Россию, как о «дантисте»-помещике. В наборной рукописи романа биография Губарева была еще более полной: Тургенев писал, что тот женился на женщине, которая «оставила ему капитал в 80 000 руб. сер. <...> Он только из-за этого капитала и женился на ней. Все это знают-с, а все ему поддакивают, когда он говорит о покойнице»⁸³.

Конечно, Тургенев не снял совершенно в новом варианте «Дыма» полемику с «лондонской эмиграцией», ведь сущность их спора о путях социально-политического развития России не изменилась. Poleмика осталась, но изменился объект изображения. Направляя свой удар в сторону мнимо оппозиционной молодежи, Тургенев, конечно, не мог совершенно обойти молчанием Герцена и Огарева.

Кружок Губарева знаком с идеями Герцена⁸⁴. Это обнаруживается в ряде намеков, в ссылках на какого-то Андрея Ивановича, который хвалил в разговоре с Губаревым какую-то брошюру, а также смыслом самих высказываний Губарева. «Ну, и артель... как зерно...»; «Община... Понимаете ли вы? Это великое слово! <...> Разве вы не видите, что... мм... что нам... нам нужно теперь слиться с народом, узнать... узнать его мнение?..» (гл. IV) — это явный намек на герценовско-огаревскую проповедь «русского социализма», их веру в особый, самобытный путь развития России, их призыв идти в народ. Все это Тургенев называл «славянофильством», подчеркивая тем самым, что он не видит серьезной разницы между народническими воззрениями Герцена и идеями славянофилов. То, что «сущность народничества лежит глубже: не в учении о самобытности и не в славянофильстве, а в представительстве интересов и идей русского мелкого производителя»⁸⁵, Тургенев не понял. Он чисто внешне воспринял близость народнической и славянофильской идей.

Но вместе с тем говорить о романе как о памфлете против лондонской эмиграции нельзя. Расчет Тургенева был иной. Вкладывая в уста недале-

кого Губарева герценовские идеи, соединенные с проектами шульце-де-личевских ассоциаций, автор «Дыма» хотел лишь указать, что славянофильская (по его представлениям) проповедь «русского социализма» приводит к Герцену совершенно ненужных ему союзников, которые к тому же быстро оплошуют его идеи и столь же быстро изменяют своему вождю. В 1867 г. Тургенев повторил в «Дыме» то, в чем он упрекал Герцена пять лет тому назад: зачем вы наливаете «социально-славянофильской брагой» головы молодых людей и «пускаете их хмельными и отуманенными в мир, где им предстоит споткнуться на первом шаге». «... так действовать, как ты теперь действуешь — бесплодно», — убеждал он Герцена тогда и как бы говорил это же теперь. События 1863—1866 гг. подтвердили опасения Тургенева.

Образ Губарева — это образ тупого, ограниченного человека, возмнившего себя большой общественной силой. Он повторяет избитые фразы о «народности», «самобытности», «общине», но за этими словами нет ничего серьезного. Это не оппозиция, а дым, пена. «Мне все хотелось спросить у этих господ, — говорит Литвинов, — из чего они так хлопочут?» (гл. V).

В образе Губарева Тургенев сатирически изобразил тех, кто в 1862 г., прельстившись герценовской фразеологией, стал его «союзником», но уже в 1865 г., испугавшись ответственности, отвернулся от своего учителя (Губарев возвращается в Россию в 1865 г.). Это типическое обобщение жизненного явления, характерного для России середины 60-х годов.

О типичности этого образа, выходящего за рамки эмигрантского бытия, Тургенев писал Я. П. Полонскому 2/14 января 1868 г.: «... как же ты говоришь, что не знаком с типом „Губаревых“? — Ну, а г-н Краевский А. А. — не тот же Губарев? Вглядишься попристальнее в людей, *командующих* у нас, — и во многих из них ты узнаешь черты того типа». Как типический был воспринят образ Губарева и В. И. Лениным, использовавшим его в своей характеристике явлений политической борьбы начала XX века ⁸⁶.

Таков глава кружка. Столь же характерны и другие персонажи «гейдельбергских арабесок». Они, как и Губарев, выхвачены из среды русских студентов в Гейдельберге.

Тургенев часто говорил, как бы в ответ на критику, упрекавшую писателя в тенденциозности, что он не может «выдумывать» образ, что только непосредственное наблюдение жизненных явлений может дать ему материал для романа, повести или рассказа. «Мне всегда нужна встреча с живым человеком, непосредственное знакомство с каким-нибудь жизненным фактом, прежде чем приступить к созданию типа или к составлению фабулы, — говорил он М. М. Ковалевскому, — конечно, я не какой-нибудь фотограф, я не срисовываю своих образцов, но уже Белинский заметил, что что-нибудь выдумать, взять что-либо из головы я совершенно не способен» ⁸⁷.

Итак, только «непосредственное знакомство с каким-нибудь жизненным фактом» давало первоначальный толчок к созданию характера; последующие наблюдения позволяли углублять возникший в творческом воображении образ будущего героя произведения. Получалось художественное обобщение, синтезирующее характерные черты своего времени.

Впоследствии Тургенев много раз повторял мысль о своей приверженности к реальным фактам, высказывая ее особенно часто в 60-х годах, в связи с жестокими и несправедливыми нападками на «Отцов и детей» и «Дым». Об этом он часто говорил и писал своим друзьям ⁸⁸, а в 1869 г. счел необходимым прямо декларировать в статье «По поводу „Отцов и детей“». Это был один из основных принципов его творчества, которому он не изменил и в «Дыме». Создавая этот роман, Тургенев был лишен возможности наблюдать жизнь России: он судил о ней лишь по тем беглым впечатлениям, которые давали ему поездки на родину, а также по сообщени-

ям русской прессы. Но эти в значительной мере случайные впечатления не могли заменить Тургеневу глубокого и полного знакомства с русской действительностью, а потому и не могли дать достаточного материала для нового романа. Писатель, который «всегда умел распознавать и показывать типический характер новых, нарождающихся общественных явлений, еще далеко не упрочившихся, но уже растущих и развивающихся»⁸⁹, не мог писать о том, что мало знал.

В то же время Тургенев близко наблюдал жизнь русских за рубежом в первой половине 60-х годов. Этой жизни и посвящен «Дым». При создании романа Тургенев не мог, как и ранее, руководствоваться одной «идеей», т. е. создавать героев, иллюстрирующих ту или иную мысль автора. В основе «Дыма» лежат жизненные наблюдения писателя. «Я очень хорошо понимаю, — писал он Полонскому 27 февраля/11 марта 1869 г., — что мое постоянное пребывание за границей вредит моей литературной деятельности — да так вредит, что, пожалуй, и совсем ее уничтожит: но и этого изменить нельзя. — Так как я — в течение моей сочинительской карьеры — никогда не отрывался от идей, а всегда от образов — (самому даже Потугину лежит в основании известный образ) — то при более и более оказывающемся недостатке образов — музе моей не с чего будет писать свои картинки. Тогда я — кисть под замок и буду смотреть, как другие подвизаются».

Одной из таких «картинок» и стали «гейдельбергские арабески».

Исследователи тургеневского творчества установили почти все прототипы образов «Дыма»⁹⁰. Так, общепризнанным стало утверждение, что в облике Ратмирова Тургенев изобразил генерала Альбединского, в Ирине узнают княжну Долгорукую и т. д. Непосредственным прототипом Ворошилова, этого «добрейшего» человека, «точно на ординарцы присланного к науке, к цивилизации», служил Случевский. Это подтверждается и самими жизненными фактами и авторским указанием: в первоначальном

Набл. с натуры		Важные моменты жизни	
Имена прототипов		1862	Краткие сведения
1. Сивилкин	Александр Сивилкин	27	1835 г.
2. Воронин	Александр Воронин	30	1832 г.
3. Зубов	Александр Зубов	42	1820 г.
4. Гинзбург	Иван Гинзбург	47	1816 г.
5. Пиданкин	Александр Пиданкин	25	1837 г.
6. Телесин	Александр Телесин	40	1822 г.
7. Воронин	Александр Воронин	22	1840 г.
8. Ратмиров	Александр Ратмиров	55	1807 г.
9. Тютчев	Александр Тютчев	20	1842 г.
10. Сивилкин	Александр Сивилкин	44	1808 г.
11. Тютчев	Александр Тютчев	38	1824 г.
12. Сивилкин	Александр Сивилкин	30	1832 г.

«ДЫМ»

Перечень «главных лиц будущей повести». Черновой автограф, 1862

Буквами зашифрованы имена прототипов героев романа

Национальная библиотека, Париж

В верхнем углу справа надпись рукой Тургенева (проба пера)

списке «Дыма» против фамилии Ворошилова стоят буквы *Сл.* Вышедший в отставку офицер Случевский, как и Ворошилов, изучал за границей философию. Непосредственный прототип был сразу же угадан современниками⁹¹. Совпадают и характеристики персонажа и его прообраза. Еще в 1862 г., во время посещения Гейдельберга писатель обратил внимание на «легкомысленность» занятий Случевского, колеблющихся между стихотворениями, социализмом и тригонометрией. Мнение о нем не изменилось и позже. В письме к Н. Н. Рашет от 29 декабря 1864/10 января 1865 г. Тургенев так охарактеризовал заканчивающего учебу доктора философии: «...что поделывает милейший поэт-живописец-историк-философ-экономист-публицист Случевский? Поклонитесь ему от меня дружески». А позже писатель удивлялся «детскому незнанию» и «хвастливой заносчивости» автора «вздорной» брошюры «Явления русской жизни под критикою эстетики»⁹².

Ворошилов не был прямым выпадом против определенного лица, Тургенев хотел изобразить одного из типичных «губаревцев», который «бросает пыль в глаза тем, что цитирует последние слова науки, не зная ни первых, ни вторых...»⁹³. Колоритная личность Случевского могла послужить основой для зарождения типического характера. Но в то же время нельзя забывать, что в Гейдельберге было немало подобных Ворошиловых. Е. В. де Роберти, С. А. Усов, Г. С. Веселитский, П. Рокасовский, два товарища — товарищи Случаевского, «с ним всегда вместе ходившие» и навестившие однажды Тургенева⁹⁴, и другие студенты только что сняли военный мундир и, как их собрат из тургеневского романа, пошли в «ординарцы к науке». А. В. Романович-Славатинский так вспоминает об одном из них — Веселитском-Божидаровиче, «отставном гвардейце, самом передовом из передовых»: «Человек хорошо воспитанный, он и радикализм свой обставлял каким-то гвардейским этикетом»⁹⁵.

Образ «витязя золотой доски», созданный Тургеневым, вобрал в себя черты многих людей. Это глубокое обобщение, а не карикатура. Частое обращение В. И. Ленина к этому образу подтверждает его типичность⁹⁶.

В настоящее время стали известны новые материалы, позволившие понять жизненные явления, породившие образ Суханчиковой. Он также оказался связанным с жизнью и спорами эмиграции 1864 года. Его внутренней основой служит содержание журнала «*A tout venant je s'achève*», которое раскрыло Тургеневу мнимый радикализм молодежи⁹⁷. Внешнему же облику Матрены писатель вполне мог придать черты графини Салиас, недолговечность радикализма которой была ему хорошо известна и которая в 60-х годах часто посещала Гейдельберг⁹⁸. Как рассказывает Альбертини, Тургенев после свиданий с графиней в 1862 г. «характеризовал ее весьма невыгодно для ее ума»⁹⁹. Поверхностность оппозиции безусловно роднила Салиас с гейдельбергскими студентами.

Таким образом, исследование вопроса о «гейдельбергских арабесках» подтверждает мнение о неправомерности сближения образов губаревского кружка с личностями лондонских пропагандистов. Удар был направлен против людей, случайно примкнувших к революционному движению после реформы 1861 года.

Как же была воспринята эта часть романа русскими за рубежом и прежде всего Герценом?

Отзывы Герцена о «Дыме» суровы и резки. «Роман Тургенева очень плох, и он за него получил 5 т. сереб. от Каткова», — писал он 24 апреля/6 мая 1867 г. Н. А. Тучковой. «Читали ли вы „Дым“ И. Тургенева? — спрашивал он Г. Н. Вырубова десять дней спустя. — Не стыдно ли в седине своей мастурбировать такую дрянь. Я его немного задел»¹⁰⁰. Но эти строгие отзывы вызваны не антинигилистическим характером романа;

Герцен не воспринял «Дым» как карикатурное изображение своей деятельности или как пасквиль на демократию.

Герцен и Огарев не были удовлетворены общей проблематикой романа; оба признали его творческой неудачей. Считая, что роман обнаружил крах таланта Тургенева, уже не способного откликаться на передовые вопросы времени, Огарев писал в стихотворении, посвященном писателю:

Я прочел ваш вялый «Дым»
И скажу вам не в обиду —
Я скучал за чтеньем сим
И пропел вам панихиду¹⁰¹.

Антинигилистические романы Герцен безоговорочно осуждал. Издатель «Колокола» отвечал на их появление статьями вроде той, которой он встретил «Взбаламученное море» Писемского (статья называлась «Ввоз нечистот в Лондон»). Но «Дым» не был воспринят Герценом как клевета на передовую молодежь. Статья «Отцы сделались дедами» также не преследовала цели охарактеризовать «Дым» как роман реакционный.

«Шуточная заметка», в которой Герцен «задел» Тургенева, была направлена против многоречивого тургеньевского Потугина, высказывающего не слишком новые, по мнению Герцена, и не попадающие в цель истины. Потугин представлялся автору статьи «куклой, постоянно говорящей не о том, о чем с ней говорят», а сами речи героя напоминали публицисту «продымленную воду», которую Тургенев «сливает Каткову в передник». «Но нельзя же взять совсем безличные и не очень новые меха да в них налить продымленную воду, назвать их Натугиным или Потугиным, заставить постоянно сочиться, как каучуковую грушу, и выдавать их за живых людей...», — писал Герцен¹⁰². В том же духе он высказывается и в заметке «Новый роман Тургенева „Дым“», опубликованной в «Колоколе» 1 мая 1867 г. Герцен был недоволен появлением «Дыма» на страницах «Русского вестника», но «гейдельбергские арабески», на которые Тургенев специально обращал внимание Герцена (в письме 5/17 мая 1867 г.), его нисколько не задели. Этой части романа Герцен по существу не касается в своих письмах и заметках для «Колокола». Объясняя причины появления статьи «Отцы сделались дедами», он писал Тургеневу 19 мая 1867 г.: «Шуточная заметка моя идет не из злобы <...> Но что ты поддерживаешь Каткова — это больно видеть, будто ты не нашел бы издателя без гнусного доносчика, о котором ты сам отзывался (кажется, мне говорил Авд(еев)) с омерзением <...> Я искренно признаюсь, что твой Потугин — мне надоел. Зачем ты не забыл половину его болтанья? Гейдельбергские арабески не знаю»¹⁰³. Не принимая романа, Герцен не отрицал в то же время известной наблюдательности Тургенева. Весьма характерны герценовские письма к дочери Тате (17 и 19 января 1868 г.), в которых отрицательная оценка «Дыма» соседствует с вопросом: «А „Дым“ прочли?» и с пояснением, что «в русской литературе Тургенев все же не такой дюжинник, чтоб позволительно было не знать его сочинений»¹⁰⁴.

Таким образом, возражения Герцена, возможно, были вызваны отголосками полемики с ним, содержащимися в речах Потугина. Упрекая Тургенева в либерализме, издатель «Колокола», как это видно из приведенного выше письма, сначала не обратил особого внимания на «гейдельбергские арабески». Однако позднее Герцен высказал свое отношение к сценам у Губарева, признав их довольно верным обобщением слабых сторон жизни русской эмиграции. На этом следует остановиться несколько подробнее.

17/29 апреля 1868 г. Герцен послал Огареву письмо, в котором негодовал по поводу неблагоприятного поступка Н. А. Вормса. Резкий тон письма, где содержались грубые и необъективные оценки ряда деятелей «молодой

эмиграции», понятен: оно написано после многих столкновений Герцена с русской молодежью за границей, которые привели к открытому разрыву. Но едва ли только раздражению Герцена можно приписать такие слова: «Тург(енев) с ними только пошутил — их надобно выставить к позорному столбу — во всей наготе, во всем холуйстве и наглости, в невежестве и трусости, в воровстве и доносничестве. И, может, если силы не ослабеют, я еще и буду их палачом и положу им клеймо глупости на лоб. Передняя, казарма, застенок полицейский и дьячки могли только развести этот испанский воротник на шею России»¹⁰⁵. При всей субъективности и несправедливости данной оценки «молодой эмиграции» в целом, в ней верно подчеркнуты черты поведения известной части русской молодежи за границей, черты, которые всегда вызывали недовольство Герцена. Их он подробно характеризовал еще в «Былом и думах» (см., например, его характеристику «хористов революции» в гл. XXXVI, ч. V, и гл. III, ч. VI).

Но если в тех частях «Былого и дум» речь шла об эмиграции из стран Западной Европы, то в середине 60-х годов Герцен обращает внимание на русскую молодежь. «Хористы революции» были и в среде молодых радикалов за границей. Герцен был не прав в суровости своего приговора, но он верно понял отрицательные черты движения. Вот некоторые из оценок Герцена. 18/30 декабря 1864 г. он писал о «чудовищном самолюбии» и ограниченности представителей «молодой эмиграции», проявившихся на женевском эмигрантском съезде. «Мне с ними ужасно скучно — все так узко, лично — и ни одного интереса, ни научного, ни в самом деле политического, никто ничему не учится, ничего не читает», — сообщал он Огареву несколько дней спустя¹⁰⁶.

О том же Герцен скоро скажет в новых главах «Былого и дум» («В. И. Кельсиев» и «Молодая эмиграция»), а также в статье «Еще раз Базаров».

А. С. АЛЬБЕДИНСКАЯ (рожд. кн. ДОЛГОРУКАЯ), ПРОТОТИП ИРИНЫ

Фотография, 1860-е годы

Литературный музей, Москва

Н. М. ТОЛСТОЙ, ПРОТОТИП
КАЙЗЕНБАХА

Фотография, 1860-е годы

Литературный музей, Москва

О последней Герцен писал Огареву: «Я нарочно разграничил базаровщину с нигилизмом — к нему только отчасти принадлежали Мих(айлов), Доброл(юбов) и Чернышевский»; «Базаров нравственно — выше последующих базароидов»¹⁰⁷. Герцена отталкивала грубость, «желчность», громадное самомнение и страсть к кривотолкам, которые были довольно широко распространены в среде «молодой эмиграции» и которые он считал характерными признаками заграничных «базароидов». Потому-то и понятно обращение Герцена к тургеневскому роману. В сценах у Губарева редактор «Колокола» теперь увидел художественное обобщение отличительных черт «хористов революции».

Для тех же, кто жил в атмосфере самих споров, сразу же было ясно, что сатира Тургенева направлена против мнимой оппозиционности гейдельбергских студентов. Об этом вспоминал, как показано выше, Романович-Славатинский. Преженцов и Е. В. де Роберти узнали себя в романе¹⁰⁸. К такому же мнению склонялся и С. Сватиков, специально изучавший историю русской колонии в Гейдельберге¹⁰⁹.

Приведем еще один чрезвычайно любопытный отклик на «Дым». Он содержится в обнаруженном нами письме уже не раз упоминавшегося Лаврентьева к Герье от 1/13 июля 1867 г. Отзыв этот, написанный человеком, принимавшим участие в жизни русской колонии в Гейдельберге, содержит вполне определенный ответ современника на интересующий нас вопрос: в чей адрес была направлена сатира Тургенева. Вот что пишет Лаврентьев: «„Дым“ произвел на меня самое неприятное, грустное впечатление: нет в нем ни одного лица, на котором можно было бы сочувственно остановиться. Картина до того мрачная, до того грязная, что остается сожалеть только об авторе, громадный талант которого погиб и погиб, как видно, безвозвратно. Не знаешь, чему удивляться: отсутствию ли всякого эстетического чувства в авторе, его ли бесплодному озлоблению против всех и каждого. Допустим, однако (хотя я совершенно противоположного мнения),

что талант может снизойти до того, что начнет изображать одно пошлое в жизни, и в этом случае истинный художник все-таки проявится: в его произведении все-таки не будет забыта художественная сторона изображаемого предмета (нужно ли вспоминать Гоголя?). Скажут, пожалуй, что нельзя прилагать высокую мерку к какой-либо повести, что повесть, с натуры списанная, заслуживает тоже внимания и может быть прочтена не без пользы. По-моему, это неверно: всякие посторонние для искусства цели к нему прилагаться не должны, и писанный с натуры рассказ есть произведение не художника, а ремесленника, как фотография и настоящая картина. Но в повести Тургенева даже и этого мнимого достоинства нет: не нужно быть очень наблюдательным, чтобы сейчас же заметить, что его лица не суть лица действительные. Все эти Губаревы и компания на действительных Губаревых, которыми в известную эпоху Гейдельберг изобиловал, совершенно непохожи: здесь были субъекты гораздо характернее изображенных. Почти ко всякому лицу можно подобрать подходящее лицо в действительности: в повести только бледные их портреты. Нечего и говорить, что для полной обстановки недостает очень характерного русско-заграничного типа, встречающегося здесь очень часто; это не тот Потугин, которого неизвестно почему сам автор в конце повести называет умным (в повести он только резонирует и резонирует злобно, но вовсе не умно) и добрым (не в своей ли глупости и простоте он проявил свою доброту?), — это не тот жалкий Потугин, говорю я, которого изобразил Тургенев, но Потугин действительный, который, приехав за границу, сжег за собою корабли и который не рассуждает только, а действует, и действует с озлоблением во вред народу и государству, к которому принадлежит. Вот на этого-то Потугина-настоящего и можно было бы нацелить свою желчь, коли Тургеневу уж непременно захотелось над кем-нибудь разразиться; что было бы гораздо лучше, чем срывать свое озлобление на мальчишках, едва выскочивших из-под розог. Если ко всем недостаткам тургеневской повести присоединить еще: нерусский синтаксис, неровный слог и употребление площадных выражений, тогда повесть эта снизойдет на предмет, о котором не стоит и разговаривать. Я бы и не стал о ней говорить, если б написал ее какой-нибудь Писарев; но произведения Тургенева всякий считает своею обязанностью читать и рассуждать о прочтенном»¹⁰.

Эти строки написаны человеком, ненавидевшим Писарева, Чернышевского, Герцена и все с ними связанное, человеком, который совершенно нетерпимо относился ко всем проявлениям радикального образа мыслей в среде русской колонии в Гейдельберге.

Автор письма упрекает Тургенева в том, что образы его романа мало характерны, хотя и непосредственно взяты из жизни, ибо не примазавшихся к Герцену «мальчишек», а людей типа Герцена хотел бы видеть Лаврентьев разоблаченными в тургеневском романе. Несбывшиеся желания и вызвали недовольство Лаврентьевых.

Единственный обнаруженный отзыв, вышедший из среды гейдельбергских студентов, — еще одно убедительное свидетельство, что в романе не было карикатуры на Герцена и Огарева или их ближайшее окружение. Непосредственными прототипами «Дыма» послужили члены русской колонии в Гейдельберге.

4

Когда говорят о «Дыме», то часто заглавие этого романа соотносят лишь с «гейдельбергскими арабесками» и затем делают вывод об антиингилистической сущности произведения. Но это неверно. Роман «Дым» не распадается на самостоятельные части: сцены у Губарева — одно из звеньев общего замысла. Идея этого замысла сконцентрировалась в моно-

логе Литвинова, который и представляет собою как бы вывод писателя. «... и всё вдруг показалось ему дымом, всё, — говорит Тургенев, — собственная жизнь, русская жизнь — всё людское, особенно всё русское <...> всё торопится, спешит куда-то — и всё исчезает бесследно, ничего не достигая; другой ветер подул — и бросилось всё в противоположную сторону, и там опять та же безудержная, тревожная и — ненужная игра. Вспомнилось ему многое, что с громом и треском совершалось на его глазах в последние годы... Дым, шептал он, дым; вспомнились горячие споры, толки и крики у Губарева, у других, высоко- и низкопоставленных, передовых и отсталых, старых и молодых людей... Дым, повторял он, дым и пар. Вспомнился, наконец, и знаменитый пикник, вспомнились и другие суждения и речи других государственных людей — и даже всё то, что проповедовал Потугин... дым, дым и больше ничего. А собственные стремления, и чувства, и попытки, и мечтания? Он только рукой махнул» (гл. XXVI).

Эти слова полны большого смысла и имеют определяющее значение для понимания общей мысли автора. Созданный в эпоху реакции, «Дым» отразил настроения писателя, тщетно пытающегося разрешить вопрос о деятеле 60-х годов или же найти общественную силу, которая смогла бы устранить назревшие противоречия русской действительности.

Писатель хорошо видел, что среди консервативной части русского общества появилось стремление вернуться назад, свести на нет результаты реформы. Это была открытая реакция, против которой и направлен в значительной своей части «Дым»: сцены с баденскими генералами принадлежат к числу наиболее острых сатирических картин в творчестве Тургенева. С другой стороны, спад революционного движения служил для него убедительным доказательством тщетности революционных методов борьбы.

Как говорилось выше, Тургенев утверждал, что в условиях русской действительности середины 60-х годов новый общественно-ценный деятель еще не «заявил» себя. Базаровы стали редкостью, а прежние их единомышленники полностью себя дискредитировали. Вот почему в романе нет типичного тургеневского героя — выразителя важнейших потребностей времени. В центре «Дыма» стоит «обыкновенный» честный человек Литвинов, который говорит, что «русским еще рано иметь политические убеждения» (гл. IV). Он не знает, куда идти, не знает, где и в чем искать идеалы. Не знал этого и сам автор.

В «Призраках» и «Довольно» громко зазвучала давняя тургеневская тема о слепых, враждебных человеку жизненных силах, с которыми невозможно бороться. В письмах писателя часто возникают образы «пены», «дыма» как символы непрочности, призрачности, неустойчивости жизни, ее неясности. Заглавие «Дым», данное новому роману, по существу подводило итог размышлениям писателя над вопросом, куда идет Россия. В этом заглавии не содержится дискредитации революционного движения. «Дым» — не только роман-отрицание, но и роман-сомнение ¹¹¹.

Это сразу же подметили современники писателя и прежде всего Писарев, отзыву которого Тургенев придавал особое значение, ибо считал этого критика выразителем умонастроений радикальной молодежи ¹¹².

Указав, что в «Дыме» не изображена прогрессивная часть русской молодежи, Писарев справедливо расценил это как смещение исторической перспективы. Он находил, что горизонт Литвинова, а вместе с ним и создателя его Тургенева, слишком узок и что с высоты «муравьиной кочки», занятой писателем, невозможно достаточно зорко обозреть русскую жизнь и выявить наиболее характерные черты ее.

«Вы смотрите на явления русской жизни глазами Литвинова, — писал Писарев Тургеневу 18/30 мая 1867 г., — вы подводите итоги с его точки

зрения, вы его делаете центром и героем романа, а ведь Литвинов — это тот самый друг Аркадий Николаевич, которого Базаров безуспешно просил не говорить красиво. Чтобы осмотреться и ориентироваться, вы становитесь на эту низкую и рыхлую муравьиную кочку, между тем как в вашем распоряжении находится настоящая каланча, которую вы же сами открыли и описали. Что же сделалось с этою каланчой? Куда она девалась? Почему ее нет по крайней мере в числе тех предметов, которые вы описываете с высоты муравьиной кочки? Неужели же вы думаете, что первый и последний Базаров действительно умер в 1859 году от пореза пальца? Или неужели же он с 1859 года успел переродиться в Биндасова? Если же он жив и здоров и остается самим собою, в чем не может быть никакого сомнения, то каким же образом это случилось, что вы его не заметили? Ведь это значит не заметить слона и не заметить его не при первом, а при втором посещении кунсткамеры, что оказывается уже совершенно неправдоподобным. А если вы его заметили и умышленно устранили его при подведении итогов, то, разумеется, вы сами, *de propos délibéré**, отняли у этих итогов всякое серьезное значение»¹¹³.

Итак, Писарев считал роман неудавшимся.

К числу верно изображенных частных Писаревым были отнесены «гейдельбергские арабески». Критик воспринял их как типическое обобщение людей, так или иначе опошляющих высокие идеи. «Сцены у Губарева, — писал он, — меня несколько не огорчают и не раздражают. Есть русская пословица: дураков в алтаре бьют. Вы действуете по этой пословице, и я с своей стороны ничего не могу возразить против такого образа действий. Я сам глубоко ненавижу всех дураков вообще, и особенно глубоко ненавижу тех дураков, которые прикидываются моими друзьями, единомышленниками и союзниками...»¹¹⁴.

Высказывание такого авторитетного читателя, каким был Писарев, весьма показательно. Оно находится в явном соответствии с историческими фактами, легшими в основу сцен у Губарева.

Но означает ли все это, что Тургенев изобразил в «Дыме» не важные, не существенные стороны русской жизни? Еще Добролюбов в статье «Когда же придет настоящий день?», говоря об особенностях таланта Тургенева, писал, что именно «живое отношение к современности» упрочило за автором «Накануне» «постоянный успех в читающей публике»¹¹⁵. Романы Тургенева были чрезвычайно злободневны, писатель умел затрагивать наиболее важные проблемы своего времени. Этому же служили и «гейдельбергские арабески».

Проблема ренегатства и мнимой революционности во второй половине 60-х годов была очень актуальна.

В. И. Кельсиев, один из «опасных» для правительства эмигрантов, бывший сторонник Герцена, 20 мая 1867 г. перешел границу России и отдал себя в руки властей. Это был заметный в истории революционного движения случай открытого перехода на сторону реакции человека, пользующегося репутацией революционера. Кельсиев раскаялся в своем прошлом, о чем свидетельствует «Исповедь», написанная им для собственной реабилитации в заключении, и книга «Пережитое и передуманное» (СПб., 1868) — подцензурный вариант «Исповеди». Это событие вызвало большой общественный резонанс в России¹¹⁶ и среди русских за границей. Герцен откликнулся на него специальной статьей «В. И. Кельсиев».

В связи с отступничеством Кельсиева возникли споры о судьбе эмиграции (см., например, полемику между Н. Я. Николадзе и А. А. Серно-Соловьевичем¹¹⁷). Это отступничество показало, что почва для данных споров в сущности была подготовлена ранее: ренегатство среди русской мо-

* умышленно (франц.).

лодежи за границей не было в эти годы единичным явлением. Мнимая революционность многих стала особенно заметна. Почему эмигрировали люди, подобные Кельсиеву, что представляет собой современная эмиграция — вот вопросы, которые в 1868 г. встали перед многими. Одна из статей в «Неделе» была многозначительно озаглавлена: «Для чего иногда люди эмигрируют?» Этот и подобные вопросы ранее возникали и перед Герценом, затронувшим в ряде статей проблему эмиграции. Посильный ответ на эти же вопросы попытался дать в «Дыме» и Тургенев. Смысл этого ответа был ярко воплощен в «гейдельбергских арабесках». Таким образом, писатель и в этом романе «обратил внимание на вопрос, стоявший на очереди и уже смутно начинавший волновать общество»^{11 8}.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обзор критических отзывов 60-х годов, посвященных роману «Дым», см. в статье В. Кузнецовой «Критическая борьба вокруг романа И. С. Тургенева „Дым“» (Уч. зап. Калининградского пед. ин-та, 1961, вып. 9, стр. 10—33) и в комментариях Е. И. Кийко: Тург. АН. Сочинения, т. IX, стр. 528—542.

² Прямо противоположные точки зрения на роман высказаны, например, в недавно появившихся статьях — Г. В. Исаченко «О романе И. С. Тургенева „Дым“. (К вопросу о творческом методе и мировоззрении художника)». — Филологический сборник. (Статьи аспирантов и соискателей.) Вып. I. Алма-Ата, 1963, стр. 270—279, и И. А. Винниковой в ее кн.: «И. С. Тургенев в шестидесятые годы. (Очерки и наблюдения)». Саратов, 1965, стр. 92—94.

³ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке, т. XV. Пг., 1920, стр. 475.

⁴ Н. И. Пирогов. Сочинения, т. II. Киев, 1910, стр. 300.

⁵ См.: А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XV, стр. 480—500; «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 502—511 и т. 63, 1956, стр. 107—125.

⁶ «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 113.

⁷ Д. В^оейков. Земство и призыв правительства к борьбе с революционной пропагандой. Лейпциг, 1879, стр. 31.

⁸ Подробнее об этом см. в статье Б. П. Козьмина «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция“». — «Лит. наследство», т. 41-42, стр. 1—48. То же в кн.: Б. П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России. М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 483—577.

⁹ Н. И. Пирогов. Указ. изд., стр. 276.

¹⁰ «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 709.

¹¹ См. об этом статью И. А. Винниковой «Полемика И. С. Тургенева с А. И. Герценом в 1862—1863 годах» в ее кн.: «И. С. Тургенев в шестидесятые годы. (Очерки и наблюдения)». Саратов, 1965, стр. 31—52.

¹² «В Гейдельберге я видел Тургенева. Он был тут проездом всего на 2 часа, — но говорил мне, что через месяц придет сюда опять и останется тут надолго», — сообщал Н. В. Альбертини Краевскому 12/24 сентября 1862 г. (ГПБ, ф. 391, письма Альбертини, л. 116). О том же писал из Баден-Бадена сам Тургенев 16/28 сентября 1862 г. М. А. Марко-Вовчок: «Я ездил на днях в ваш Гейдельберг. Ничего, город интересный. Уезжая отсюда, я дня два там пробуду, посмотрю на диких русских юношей».

¹³ См. письма Тургенева к В. Ф. Лутивину от 26 сентября/8 октября 1862 г. и к Герцену от 4/16 октября 1862 г. и комментарии к ним (Тург. АН. Письма, т. V, стр. 513—516 и 520).

Когда писатель получил уведомление о вызове по делу «32-х», он, видимо, не без оснований, подумал, что правительству стала известна его поездка в Гейдельберг (письмо Тургенева к Герцену от 31 января/12 февраля 1863 г.). Та же мысль пришла и Герцену. «... я сам полагаю, — отвечал он Тургеневу 8/20 февраля 1863 г., — что Гейдельберг и разговоры его навлекли это» (вызов Тургенева. — А. М.). — Герцен АН, т. XXVII, кн. 1, стр. 292.

¹⁴ Из гейдельбергских знакомых Тургенева Альбертини был наиболее близок писателю. «Я вам писал, кажется, что здесь был Тургенев. Он сюда приезжал в другой раз, но всего на два дня. Вечера мы с ним проводили вместе», — писал Альбертини Краевскому 23 октября 1862 г. Тургенев встречался с Альбертини и в мае 1862 г. у Герцена в Лондоне (ГПБ, ф. 391, письма Альбертини, л. 123, 93).

¹⁵ ЦГАОР, ф. 95-И, оп. 1, д. 311, лл. 135 об. — 136.

Следы тургеневского замысла середины 1860-х годов можно отыскать и в переписке писателя. Так 18/30 марта 1862 г. он писал Достоевскому, сообщая о работе над «Призраками»: «Я было начал другую вещь — и вдруг схватился за эту и работал несколько дней с увлечением». Через месяц, в письме к Е. Я. Колбасину от 12/24 апреля 1862 г.

Тургенев снова говорит о каком-то неизвестном нам произведении: «Я провел зиму как-то вяло, и мало работал; кое-что начал, кое-что задумал...». И уже более определенно о том же в письме к Каткову от 14/26 апреля 1862 г.: «Надеюсь к осени — т. е. по возвращении из деревни — доставить вам новый труд, хотя не столь обширный, но задуманный с любовью». Это сообщение проникло и в периодическую печать: газета «Le Nord» (1862, № 364, 30 декабря) сообщала о предполагавшемся появлении в «Русском вестнике» нового романа И. С. Тургенева» (см. также замечание Герцена по этому поводу. — Герцен АН, т. XVII, стр. 307). По-видимому, речь идет о замысле романа, о котором Тургенев говорил Альбертини и осуществление которого зависело от поездки в Гейдельберг.

¹⁶ ЦГАОР, ф. 95-И, оп. 1, д. 311, л. 136.

¹⁷ Н. И. Пирогов. Указ. изд., стр. 276, 335.

¹⁸ Тург. АН. Сочинения, т. IX, стр. 397.

¹⁹ Изменение замысла отразилось не только на сценах у Губарева, но захватило, по-видимому, весь роман. Значительное место в первоначальном варианте Тургенева занимал образ Потугина: в списке действующих лиц ему единственному уделено несколько слов: «К Потугину: взволнованная улитка (улитка с намёчком). Третьестепенная порода» (А. М а з о н, стр. 88). Подобная характеристика не могла относиться к герою, который выражал бы мысли и настроения автора. В намерении Тургенева, очевидно, входило изображение человека недалекого, который «тужится» то ли быть умным человеком, то ли играть какую-то большую роль. В списке 1862 г. он назван Сохранителем Потугиным (зачеркнутый вариант его фамилии — Тугин). Позднее, в результате изменения замысла романа, пронически звучащее имя героя было заменено нейтральным — Созонт.

²⁰ См. указ. статью Б. П. Козьмина «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция“».

²¹ Н. Русланов. Русские Belles-lettres в Баден-Бадене. (По поводу романа «Дым»). — В кн.: Новые писатели. Сборник литературных произведений. Под ред. Н. Тиблена, т. I. СПб., 1868, стр. 289.

Настоящее имя автора этой интересной статьи о «Дыме» до сих пор остается неизвестным. Фамилия Н. Русланов — явный псевдоним, созданный по аналогии с именем одного из персонажей романа — Ратмировым. Однако псевдоним может быть с достаточной долей вероятности раскрыт. Статья написана человеком, близко знавшим среду, обрисованную Тургеневым в «Дыме»: автор знает, что Тургенев часто ездил в Гейдельберг, бывал в знаменитой читальне, беседовал с юными соотечественниками» (цит. статья, стр. 288—289). Наиболее близким из таких людей к редактору сборника Тиблену был в те годы Н. И. Бакст, который принимал деятельное участие в журнале «Современное обозрение». «Здесь находится Бакст Ник., посвящающий меня во все гейдельбергские достопримечательности и сообщаящий сведения о русской литературе, в которой он, оказывается, играл роль и заправлял „Современным обозрением“ или Тибленом после вашего выбытия оттуда», — писал М. А. Антонович А. Н. Пыпину 26 июня 1867 г. (ГПБ, ф. 621, А. Н. Пыпина, № 34, л. 4). Бакст и был, видимо, автором статьи о «Дыме» в тибленовском сборнике.

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 261.

²³ Там же, стр. 260.

²⁴ См. показания А. Л. Линева по делу о читальне (ЦГАОР, ф. 95-И, оп. 1, д. 311, л. 81).

²⁵ Герцен АН, т. XXVII, кн. 2, стр. 454 (в автографе описка: 10 марта).

²⁶ Герцен АН, т. XVII, стр. 242.

²⁷ Письмо Герцена к Тургеневу от 29 марта/10 апреля 1864 г. — Герцен АН, т. XXVII, кн. 2, стр. 454.

²⁸ Вторая подписка, видимо, прошла удачно. О ее результатах можно судить по сохранившемуся в архиве Герье любопытному документу — черновику письма к Н. А. Столышину (главе русской миссии в Карлсруэ), написанному рукой Л. И. Лаврентьева с поправками Герье. В нем говорилось:

«М. г. Николай Аркадьевич,

Русские, находящиеся в Гейдельберге и Геттингене, открыли подписку на пожертвование в пользу раненых русских солдат в Польшу. Я, с моей стороны, предложил гг. подписчикам собранные подпискою деньги переслать через посольство в Россию. Гг. подписчики, приняв мое предложение, изъявили вместе с тем желание, чтобы результаты подписки были обнародованы в газете „День“, издаваемой в Москве под редакцию г. Аксакова. Считаю приятным долгом исполнить желание гг. подписчиков, я имею честь переслать вашему превосходительству собранную сумму со списком подписавшихся лиц и просить вас покорно переслать ее по назначению» (ЛБ, ф. Герье, 35.58).

²⁹ ЦГАОР, ф. 109-И, д. 100, ч. 115, л. 4.

³⁰ Сведения о Баксте см. в «Лит. наследстве» (тт. 61—63) и в воспоминаниях П. Д. Боборыкина «Доктор Владимир Бакст» («Еврейская трибуна», Париж, 1920, № 26, стр. 4—5); а также: П. Д. Боборыкин. Воспоминания, т. II. М., 1965, стр. 106—107.

³¹ ЦГАОР, ф. 109-И, д. 222, лл. 314—316, 370.

³² «Былое», 1907, № 8, стр. 196. — Ливев принимал деятельное участие в делах читальни. Так, например, он литографировал и распространял известные письма Огарева, принимал участие, вместе с Константиновым, в издании какой-то книги Фейербаха и т. д.

³³ «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 110.

³⁴ См., например, воспоминания А. А. Слепцова («Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы», т. III. Саратов, 1962, стр. 249—282), а также документы по эмиграции, опубликованные Б. П. Козьмин в «Лит. наследстве», т. 41-42, стр. 63.

³⁵ ЦГАЛИ, ф. 447, оп. 1, ед. хр. 19, л. 18.

³⁶ В. Л у г и н и н. Свидание с Маццини. — «Русская старина», 1910, № 9, стр. 484—485.

³⁷ Лугинину принадлежит несколько статей на эту тему и книга «Очерк двухгодичной деятельности Рождественского ссудного общества». М., 1870.

³⁸ Письмо Герцена к М. Мейзенбуг (между 20 и 23 октября/1 и 4 ноября 1866 г.). — Герцен АН, т. XXVIII, стр. 237.

³⁹ Письмо Герцена к сыну от 25 февраля/9 марта 1866 г. — Там же, стр. 168.

⁴⁰ ЦГАОР, ф. 109-И, д. 222, л. 58.

⁴¹ Там же, ф. 95-И, оп. 1, д. 311, л. 262.

⁴² Там же, лл. 356 об. — 357. — Наклонность Владимиров к сплетням имеет в виду и В. О. Ковалевский (см. далее).

Как явствует из показаний Альбертини, Тургенев встречался с Владимировым в Гейдельберге в 1862 г. и, вероятно, не раз беседовал с ним. Однако сам Владимиров на следствии полностью отрицал свое знакомство с писателем. «В Гейдельберге с Тургеневым не виделся и знаком не был, — отвечал он, — знаю только, что он бывал в Гейдельберге на короткое время. Полагаю даже, что он не знает моего имени» (ЦГАОР, ф. 95-И, оп. 1, д. 311, л. 188). Владимиров или не желал, чтобы имя Тургенева упоминалось в связи с делом о читальне, или же, что мало вероятно, свидание с автором «Отцов и детей» не оставило в его памяти заметного следа.

⁴³ Герцен АН, т. XXVII, кн. 2, стр. 422.

⁴⁴ Письмо от 14/26 мая 1864 г. — Там же, стр. 477.

⁴⁵ ЦГАОР, ф. 109-И, д. 222, лл. 208, 243.

⁴⁶ Там же, лл. 106 и 199. — Об одном таком «ложном навете» сообщалось и в упомянутой записке почитателя Дерптского учебного округа. Желая, видимо, заявить о своей полной благонадежности, Стюарт указал начальству на некоего студента Вейнерта, который якобы на одном торжественном собрании «провозгласил тост в честь общей отчизны». Тем самым Стюарт обвинял Вейнерта в политическом сепаратизме, несовместимом с интересами русской самодержавной политики в Прибалтике (там же, л. 199—199 об.).

⁴⁷ См. кн.: Д. О. З а с л а в с к и й. М. П. Драгоманов. Киев, 1924, стр. 126—132.

⁴⁸ ЦГАОР, ф. 109-И, д. 222, л. 170. Уже в 1866 г. Веселитскому было разрешено уехать в Египет (там же, лл. 89, 96).

⁴⁹ М. К. Л е м к е. Очерки освободительного движения шестидесятых годов. СПб., 1908, стр. 178.

⁵⁰ ГПБ, ф. 391, письма Альбертини, л. 119.

⁵¹ Б. П. К о з ь м и н. Письмо Н. П. Огарева Н. В. Альбертини. — «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 885.

⁵² Ноты разочарования звучат в письмах Н. И. Бакста 1866 г. Его настроение вызвано массовым ренегатством молодежи. «Обманы, бездушие, бессердечие <...>, — чего-чего тут нет, — писал он Сабурову из Берлина. — Как самодовольно они теперь смеются над прошедшими увлечениями, — как будто эти увлечения и эти разочарования принадлежат мне. Нет, это много для них, они на это не способны, они — *tabulae rasae*, над которыми нелепые случаи наигрывают то или другое» (ЦГАОР, ф. 95-И, оп. 1, д. 311, л. 199).

⁵³ А. Ф. К о н и. На жизненном пути, т. I. СПб., 1912, стр. 640—643. Здесь имеется в виду Г. Г. Перетц (см. о нем: «Лит. наследство», т. 41-42, стр. 56).

⁵⁴ «Вопросы литературы», 1959, № 1, стр. 180—181.

⁵⁵ С. С в а т и к о в. Из воспоминаний о Е. В. де Роберти. — «День», 1915, № 119, 2 мая.

⁵⁶ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XVII. Пг., 1922, стр. 72.

⁵⁷ Письмо от 21 февраля/4 марта 1864 г. — Герцен АН, т. XXVII, кн. 2, стр. 441.

⁵⁸ «Лит. наследство», т. 64, 1958, стр. 737.

⁵⁹ ИРЛИ, 8082. LXVIIб. 115, л. 21.

⁶⁰ «Вестник Европы», 1915, № 5, стр. 421.

⁶¹ ЦГИА СССР (Ленинград), ф. 4282, оп. 1, № 1149, л. 10.

⁶² См., например, письмо Тургенева к Н. И. Баксту 10/22 марта 1866 г. — Л. Ф. де Роберти Тургенев знал еще в 1859—1860 гг. («Лит. наследство», т. 51-52, 1949, стр. 478—479).

⁶³ Б. У. Ф. <Иксюль-Фиккель>. Иван Сергеевич Тургенев в 1839—1882 гг. — «Русская старина», 1884, № 5, стр. 395.

⁶⁴ Н. И. Пирогов. Указ. изд., стр. 335—336.

⁶⁵ П. Новичкий. С берегов Рейна. — «Время», 1862, № 7, стр. 171—181.

⁶⁶ «В Гейдельберге много русских, — каждый день прибывают новые. Что делают они? А все то же, что и у нас. Есть люди дельные, с стремлениями заниматься делом, наукой, и в самом деле занимающиеся; есть и шелопаи, — собачники, голубятники, губки, пропивавшиеся пивом, есть всякие, — писал Альбертине Краевскому 6 октября 1862 г. (ГПБ, ф. 391, письма Альбертины, л. 119). Ср. с оценкой «собачников» в указ. статье Новицкого, стр. 172.

⁶⁷ «Голос», 1870, № 135, 17 мая.

⁶⁸ М. Волзовский. Из Гейдельберга. — «Библиотека для чтения», 1864, № 4-5, стр. 23—24. — У. <С. А. Усов>. Из Гейдельберга. Немецкое решение русской уособии. — Там же, № 6, стр. 19—20.

⁶⁹ «Вестичк Европы», 1903, № 4, стр. 541. — Характеристику женевской эмиграции, очень близкую по тону к губаревским спенам «Дыма», дал М. В. Авдеев в письме к Тургеневу от 30 октября 1865 г. (см.: Тургеневский сборник, I, 1964, стр. 408—409).

⁷⁰ «Лит. наследство», т. 62, стр. 268, 270.

⁷¹ Новицкий, человек далеко не крайних радикальных взглядов, но к III Отделению никакого отношения не имевший, был обвинен в шпионстве в 1862 г.; В. И. Касаткин распространял какую-то сплетню о П. С. Мошкалове («Лит. наследство», т. 62, стр. 395); П. В. Долгоруков обвинил без достаточных оснований Л. Блюммера в шпионстве в 1864 г. и т. д. Интересно, что слух о «шумихе», поднятой молодежью в Гейдельберге, достиг Петербурга еще в 1862 г. «О Гейдельберге в Петербурге — дурная молва, — сообщал Альбертине Краевскому 19 ноября. — Это — чистая напраслина. Я знаю тут более людей серьезных и дельных, чем бродячихлыстов; без них, последних, нигде не обходится; но ведь по ним не следует делать общие заключения» (ГПБ, ф. 391, письма Альбертины, л. 127). По выражению Тургенева, «город Гейдельберг отличался сочинением сплетен» еще в 1860 г.; там распустили слух, что автор «Записок охотника» «держит у себя насильно крепостную любовницу», а Бичер-Стоу его «в этом публично упрекала» (Тург. АН. Письма, т. IV, стр. 147). Об этой сплетне Тургенев упоминает в «Дыме».

⁷² Письмо Тургенева к Полине Визардо от 29 марта/10 апреля 1867 г.

⁷³ Как свидетельствует один из бывших эмигрантов, Е. К. Гижицкий, К. Маркс, наблюдавший за жизнью русских в Германии, говорил: «Между русскими встречаются странные личности, они живут за границей, называют себя эмигрантами, говорят не иначе как под секретом; несмотря на то, что называют себя эмигрантами, боятся на каждом шагу скомпрометироваться; а потом, смотришь, возвращаешь себе в Россию и живут себе там преспокойным образом» («Лит. наследство», т. 41-42, стр. 1).

⁷⁴ «Общее дело», 1879, № 20, стр. 9.

⁷⁵ См., например: Л. В. Пумпянский. «Дым». Историко-литературный очерк. — Соч. 1930, т. IX, стр. X—XII; А. Г. Цейтлин. «Дым». — Сб. «Творчество И. С. Тургенева». М., Учпедгиз, 1959, стр. 399.

⁷⁶ В черновом автографе «Дыма» указанное примечание Тургенева звучало еще определеннее: «Вот цифры русских студентов в Гейдельберге за 1862—1866 годы — по семестрам: <пропуск> Нечего и прибавлять, что в течение этого времени никаких затруднений к выезду за границу не прибавилось» (Тург. АН. Сочинения, т. IX, стр. 421).

⁷⁷ ЛБ, ф. Герье, 47.26, л. 15.

⁷⁸ А. Н. Луканин. Мое знакомство с И. С. Тургеневым. — «Северный вестник», 1887, № 3, стр. 52.

⁷⁹ Это было замечено еще современниками Тургенева. Н. Н. Страхов, например, так писал в статье о «Дыме»: «Немало в „Дыме“ выходок против людей и мнений, принадлежащих к движению до 1862 года; но несравненно многочисленнее, продолжительнее и сравнительно сильнее выходки против мнений и настроений, получивших верх после 1862 года» («Отечественные записки», 1867, май, кн. 1, стр. 172).

⁸⁰ «Журнал Министерства народного просвещения», 1864, ч. СХХII, отд. II, стр. 344. — Тургенев, видимо, хорошо был осведомлен о популярности этих взглядов среди русских в Гейдельберге. Писатель был близко знаком с Лугининым, основателем первого в России ссудо-сберегательного общества на кооперативных началах, с Е. В. де Роберти, также живо интересовавшимся этим вопросом (см. его письма к Г. Н. Выхову — ИРЛИ, 2193. VIIм. 51).

⁸¹ Эти вопросы обсуждались и в демократических кругах России. Так, М. А. Антонович перевел книгу Э. Пфейфера «Об ассоциации» (СПб., изд. О. И. Бакста, 1866). Влияние этой книги было столь велико, что началось создание товариществ по примеру ассоциаций Шульце-Делича; это подчас принимало комическую форму (см.: А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания. М.—Л., 1928, стр. 226—227). Много внимания уделял проблеме ассоциаций и В. А. Зайцев.

⁸² «Лит. наследство», т. 63, стр. 245—246.

⁸³ Тург. АН. Сочинения, т. IX, стр. 425. — Образ Губарева связан с русскими гейдельбержцами и еще одной конкретной чертой. Лаврентьев сообщал Герье в одном из писем середины 60-х годов, что русские «радикалы» в Гейдельберге любят озадачить

всякого новоприсезжего вопросом: «Позвольте узнать ваши политические убеждения». При этом Лаврентьев подчеркивает, что «таких людей немало», и ссылается на конкретные факты (ЛБ, ф. Герье, 47. 26, л. 21). Подобные явления, видимо, наблюдал и Тургенев. Один из первых вопросов, который Губарев задает Литвинову: «Вы, позвольте узнать, каких придерживаетесь мнений? <...> Да, то есть, собственно, какие ваши политические убеждения?» (гл. IV).

⁸⁴ Кроме того, в черновой и наборной рукописях «Дыма» более, чем в окончательном тексте, подчеркнуто близкое знакомство Губарева с идеями круга «Современника» (см. обзომ в комментарии Е. И. Кийко к роману: Тург. АН. Сочинения, т. IX, стр. 514).

⁸⁵ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 422.

⁸⁶ Ленинский сборник, т. XIII. М.—Л., 1930, стр. 102.

⁸⁷ «Минувшие годы», 1908, № 8, стр. 14.

⁸⁸ См., например, подборку высказываний Тургенева на эту тему в кн.: «Русские писатели о литературном труде», т. II. Л., «Сов. писатель», 1955, стр. 747—756.

⁸⁹ Г. А. Б я л ы й. И. С. Тургенев.— В изд.: История русской литературы, т. VIII, кн. 1. М.—Л., АН СССР, 1956, стр. 398.

⁹⁰ Прототипы романа «Дым» раскрыты в исследованиях: А. М а з о н, стр. 88—90; см. также комментарии к роману «Дым» — Соч. 1930, т. IX, стр. 419—437.

⁹¹ «Тургенев и его время». М.—Пг., 1923, стр. 294 (приведены пометы на экземпляре «Русского вестника», принадлежавшем члену Совета министра внутренних дел В. М. Лазаревскому).

⁹² Письмо к Н. Н. Рашет от 7/19 декабря 1866 г.

⁹³ Письмо к П. В. Анненкову от 14/26 февраля 1868 г.

⁹⁴ ЦГАОР, ф. 95-И, оп. 1, д. 311, л. 349 об.

⁹⁵ «Вестник Европы», 1903, № 4, стр. 541.

⁹⁶ См. А. Г. Ц е й т л и н. Литературные цитаты у Ленина. М.—Л., 1934, стр. 70—72, а также мою статью «Образы романа И. С. Тургенева „Дым“ в работах и письмах В. И. Ленина». — Сборник студенческих научных работ ЛГУ, вып. 4, 1963, стр. 240—249.

⁹⁷ См. мою заметку об этом — «Русская литература», 1959, № 4, стр. 199—202.

⁹⁸ О графине Салиас как возможном прототипе образа Суханчиковой см. Соч. 1930, т. IX, стр. 423—424.

⁹⁹ ЦГАОР, ф. 95-И, оп. 1, д. 311, л. 136.

¹⁰⁰ Герцен АН, т. XXIX, кн. 1, стр. 89 и 101.

¹⁰¹ «Лит. наследство», т. 61, стр. 594.

¹⁰² Герцен АН, т. XIX, стр. 261.

¹⁰³ Там же, т. XXIX, кн. 1, стр. 102.

¹⁰⁴ Там же, стр. 260.

¹⁰⁵ Там же, стр. 326.

¹⁰⁶ Письма к Огареву. — Там же, т. XXVII, кн. 2, стр. 556; т. XXVIII, стр. 9.

¹⁰⁷ Письма от мая 1868 г. (без числа) и от 25 апреля/7 мая 1868 г. — Там же, т. XXIX, кн. 1, стр. 352 и 332.

¹⁰⁸ С. С в а т и к о в. Указ. воспоминания о Е. В. де Роберти.

¹⁰⁹ С. С в а т и к о в. Русские студенты в Гейдельберге (1861—1862 гг.). — «Новый журнал для всех», 1912, № 12, стр. 69—81.

¹¹⁰ ЛБ, ф. Герье, 47. 27, л. 26.

¹¹¹ Подробнее о заглавии романа см. в моей заметке — «Вестник ЛГУ», 1962, вып. 1, стр. 159—161.

¹¹² В письме к Анненкову от 24 апреля/6 мая 1867 г. Тургенев писал: «... что-то скажет Писарев? Не смейтесь! Для меня это довольно важно — как симптом».

¹¹³ Д. И. Писарев. Сочинения, т. IV. М., Гослитиздат, 1956, стр. 424—425.

¹¹⁴ Там же, стр. 424.

¹¹⁵ Добролюбов, т. II, стр. 208.

¹¹⁶ См., например, отклики на книгу Кельсиева «Пережитое и передуманное»: «Вестник Европы», 1868, № 7; «Неделя», 1868, №№ 11, 27, 46; 1869, №№ 1—4; «Отечественные записки», 1868, № 12.

¹¹⁷ Имеется в виду статья Н. Я. Николадзе «Русская эмиграция» («Современность», Женева, 1868, № 3) и ответ на нее А. А. Серно-Соловьевича «Миколка-публицист. По поводу статейки „Русская эмиграция“». Женева, 1868.

¹¹⁸ Добролюбов, т. II, стр. 208.